

The USA Today Bestselling Series

Привыкание.

Песни Вечных Мук
Книга Вторая

К.Д. Рейсс

В результате, я ударила его, чтоб освободить? Но освободить от чего? От секса? Наркотиков? Вечеринок? Или освободить, чтоб самой стать нормальной? – Было очень интересно. Там, на Манди стрит, – сказал Эллиот. – Не так, как в остальном мире. Это безопасное место для таких людей, как я. – Людей как ты? Ты не могла бы выразиться более конкретно? — он пробежал пальцем по краю своего блокнота, и по внутренней части моих бедер пробежал холодок. – Людей как я... Ну, не знаю. Любителей заняться сексом. Мы трахаемся, потому что это то, что мы делаем. Водители автобусов водят автобусы. Бухгалтера считают. Полицейские арестовывают. А я люблю секс. Я трахаюсь.

Глава 1.

ФИОНА

Я часто уплывала в состояние транса, напомиравшее мне сеансы гипноза с Эллиотом. В этом состоянии находилась по вечерам после ужина, до того как выключали свет, сидела перед телевизором и наблюдала за волнами океана, позволив моему мозгу делать все, что ему захочется.

В то время я ни о чем не думала и находилась в сладком бреде от медикаментов, а нестабильный кокон моей ярости прятался в розовых шарах сладкой ваты. Через десять дней после ухода Эллиота они назначили мне другие таблетки, и начался мой путь от стадии «отмороженная» до «неконтролируемо буйная».

Слишком много сна, но очень мало приятных эмоций.

Я соскучилась по Эллиоту и его холодному профессионализму, еле заметным подпрыгиваниям и движениям, с помощью которых он показывал свои эмоции — доказательство того, что под одеждой было живое, обнаженное тело. Не прошло и двенадцати часов после его ухода, а он уже присутствовал в моих сексуальных фантазиях. Я ни дня не нуждалась в нем. В пламени наших отсутствующих отношений он не был мне нужен для освобождения или для признания моей вменяемости, поэтому не было необходимости в блокировке своих мыслей. Однажды я осознала, что могу вновь чувствовать свои пальцы, и с этого момента начала наслаждаться мыслями о нем один раз за ночь, потом два, три раза после выключения света, в итоге проваливаясь в бессонный туман с пальцами на своей киске.

Моя фантазия была такой невинной, однако это воспламеняло мой клитор.

Я стою в кофейном магазине на Шарлевилль. Там, где можно выпить чашечку кофе со сливками. В одиночестве, но это фантазия. Вокруг нет ни камер, ни папарацци. Я сажусь на лавочку и открываю книгу. Светит солнце. Ветер развеивает мои волосы, а кружка с моим кофе сделана из красного фарфора.

Он стоит надо мной со своим бумажным стаканчиком, отбрасывая тень на мою книгу.

— Фиона?

Я поднимаю голову вверх и воспроизвожу его образ из своих воспоминаний: светло-каштановые волосы, сине-серо-зеленые глаза, близко расположенные друг к другу брови,

длинная шея и улыбка, впервые в жизни искренняя и не обремененная самобичеванием или профессиональной этикой.

— Эллиот. Привет.

— Как ты?

— Потрясающе. Присядешь на пару минут?

Он всегда садится. Иногда идет куда-то и решает подойти ко мне, а иногда он просто ничего не делает. Но всегда присаживается. Я представляю наш разговор. Мне приходится фантазировать о его жизни, потому что много не знаю о нем. Я рассказываю ему о том, как хорошо себя чувствую. О том, что вылечилась. Перестала принимать наркотики и о том, что секс для меня больше не является потребностью. Иногда рассказываю ему о том, что у меня не было секса с момента выписки из больницы, а иногда говорю, что занималась им всего пару раз.

Когда я дохожу до целомудренной части моей фантазии, возникает такое ощущение, что все чувства вибрируют во мне. В этот момент он провожает меня до машины, а от его слов о привязанности, желании и подавляемой страсти местечко между моих ног начинает пульсировать. Я представляю наши поцелуй, его руки держат мое лицо, а член упирается в живот, все это делает меня такой влажной, что рукавом своей больничной рубашки мне приходится вытереть влагу с бедер.

Представляю, как отправляюсь в Комптон в какой-то зараженный крысами приют или запущенную церковь и там вижу его. Наши отношения настолько болезненные, что магнетическое притяжение заставляет наше желание оставаться на уровне врач-пациент, практически не давая им шанса на существование.

Он произносит:

— Я всегда хотел тебя.

Я снова и снова вспоминаю то время, которое провела с ним, и ищу моменты, которые могли бы быть правдой. Постепенно я начинаю представлять, как он набрасывается на меня на кровати. Берет меня за лодыжки и разводит их в стороны, смотрит на мою влажную киску всего секунду, а после этого начинает ее целовать. Выражение блаженства на его лице говорит о том, что он голодал или был в заключении, а это первая трапеза на свободе. Он трахает меня как в фильмах. Наши лица так близко. Его глаза наполовину прикрыты, и он выдыхает мое имя.

Прекрасно понимала, что эта фантазия никогда не станет реальностью. Я не знала этого мужчину. Абсолютно. Он был нормальным, серьезным и даже в чем-то милым. Поэтому никогда не будет строить отношения с испорченной сексом и зависимой от наркотиков шлюхой, которая, ко всему прочему, притягивает к себе объективы камер. Мне никогда не удастся привлечь хорошего мужчину. У меня не было доступа в обычный мир, но я все равно его желала. Мои самые темные желания теперь были о такой недостижимой нормальной жизни.

Я не хотела всего этого до ухода Эллиота. Потом я начала фантазировать о Диконе, моем Мастере, который помог мне существовать, но я все равно предала его. Однажды я распутаю паутину событий, которые привели нас обоих в конюшню, но была ли, нахер, разница? Разве я ударила его ножом не для того, чтобы освободиться?

Но...быть свободной для чего?

Секса? Кокаина? Вечеринок?

Или для того, чтобы стать нормальной?

Глава 2.

ЭЛЛИОТ

Я не любил спешить. Если все было сделано правильно и по порядку, то и спешить не нужно. Даже со скукой можно было справиться без особых усилий, если дни протекали так, как и должны были.

По вторникам перед работой у меня был сеанс терапии. Мне, как терапевту, тоже были необходимы эти сеансы для сохранения своего здравомыслия. В течение нескольких недель мне было нечего обсуждать, и меня поглощали мысли о пятидесяти минутах, проведенных в кабинете Ли в разговорах ни о чем. Предполагалось, что эти сеансы должны были помочь мне взглянуть на сеансы с моими собственными пациентами под другим углом, увидеть недостатки, но я чувствовал, что просто зря тратил свое время.

Я открыл дверь своей машины. Бугенвиллии (прим. — фиолетовый вьющийся цветок, род вечнозеленых растений семейства Никтагиновые), нависавшей над подъездной дорожкой, нужна была подпорка. Зачастую я делал их сам, потому что понял, что это успокаивает, но когда устроился на работу в Вестонвуд, то забросил это дело. Садовникам было приказано не трогать ее, что они и сделали, поэтому каскад фиолетовых цветов спал на лобовое стекло.

Я вернулся на работу в клинику семейной медицины в Комптоне на Алондра Авеню. И оставил должность военного священника, но свято место пусто не бывает. Они просили меня остаться, но я пошел в Вестонвуд. Ушел из анклава помогать проблемным богачам и вышел на неполный рабочий день на Алондра Авеню, попытавшись разобраться со своей жизнью. Нестабильность мне не нравилась ровно настолько, насколько и несогласованный график работы, но мне нужно было держать себя в тонусе.

Движение в Лос-Анжелесе было как всегда загруженным, но к нему было легко привыкнуть, учитывая сезон, время суток, погодные условия и людей, готовых изменить маршрут в любой момент. Если бы я повернул направо на Ла-Синегу в 7:01 утра в обычный вторник, то успел бы вовремя. Свернув в 7:02, я опоздаю уже на десять минут. Мне до сих пор непонятно, куда пропадали восемь минут, но те злополучные шестьдесят секунд, казалось, увеличивали плотность транспортных артерий в арифметической прогрессии.

Но я повернул в 7:04 и подумал о том, что мне придется извиняться за опоздание на сеанс. За извинениями всегда следовало объяснение причин опоздания, а так же почему важна пунктуальность, и что я чувствую по этому поводу, именно так в детстве и начинались раскопки сокровищ, которых не существовало. Однако мной не был учтен тот факт, что в этом районе много школ, а сейчас были рождественские каникулы, поэтому на дорогах почти никого не было. Я остановился в переулке позади офиса Ли и сделал глубокий вдох. У меня получится добраться до Алондра Авеню вовремя, потому что дороги не загружены. Опоздание к Ли было простительно. Но вот опоздание к моим пациентам было под запретом. Это были люди, для которых я был единственной надеждой в жизни.

— Почему ты беспокоишься о них? — спросила Ли, сложив руки на своем круглом из-за беременности животике. Ей удалось забеременеть в сорок два года, поэтому зачастую я нахожу ее в состоянии блаженства, усталости, или смеси двух этих состояний.

— Потому что я человек. А беспокоиться — и значит быть человеком.

— Но это не твоя работа.

Мы бы стали обсуждать это в сотый раз. Моя работа заключалась в том, чтобы дать пациентам безопасное пространство для работы над своими проблемами. Если бы я заботился о них, то был бы эмоционально истощен к концу недели, месяца или года и был бы неспособен работать с остальными.

Я не ответил ей. В этом не было никакого смысла. Возникло чувство обеспокоенности, я поймал себя на том, что потирал верхнюю губу своим средним пальцем. Мне было некуда девать энергию. В таком состоянии я находился с тех пор, как покинул Вестонвуд.

— Сегодня утром ты почти опоздал. Я видела, как ты паркуешься, — Ли указала на свое окно, выходящее на парковочные места. Она не ставила никаких галочек. Самый идеальный терапевт в мире, которого мой наставник порекомендовал из-за абсолютно спокойного, рационального поведения.

— Джана застала меня в душе, — сказал я, вспомнив очень приятный, но неуместный секс в душе. — Распорядок был нарушен, — она переехала полгода назад, после активного периода свиданий, и почти не внесла никаких изменений в дом, только стала самой красивой вещью, побывавшей на моей кухне.

— А, — сказала она. — Можно предположить, что все хорошо?

— Все как обычно. Она хочет, чтобы я был в безопасности. Думает, что каждый день за мной будут охотиться. Паникует. Беспокоится. Я ее успокаиваю. Это действует недолго, и так каждый раз...

— И она хочет, чтобы ты вернулся в Вестонвуд.

— Да.

— Ты сказал ей, почему ушел?

Это было очень неприятно. Только Ли была квалифицированной настолько, чтобы разгадать это, и она была единственным человеком, которому я бы доверил этот уровень сложности. И рассказал о своем желании защитить Фиону от ее семьи и средств массовой информации сразу после моего ухода из Вестонвуда, тогда Ли позволила мне увильнуть от вопроса, решив, что я расскажу о своих чувствах тогда, когда буду к этому готов.

— Джана не поняла бы, — ответил я.

— Ты должен попытаться.

— Она очень деликатный человек. Если я расскажу ей, что семья пациента давит на меня, то она будет беспокоиться. А если она узнает о контрпереносе, то будет еще хуже. (прим. контрперенос — психологический феномен, заключающийся в бессознательном переносе ранее пережитых (особенно в детстве) чувств и отношений, проявлявшихся к одному лицу, совсем на другое лицо, а данном случае чувств терапевта к пациенту).

— Контрперенос бывает. Ситуацию с семьей девушки она должна знать, потому что это не относится к тому, что может быть сказано в пределах этой комнаты.

— Там не о чем говорить, — сказал я. — Все, о чем я тебе рассказал, было моим умозаключением. Если она узнает это, то не сможет понять и начнет паниковать. Ей сложно иметь дело с вещами, которые не являются фактами.

— Как вы собираетесь так жить, Эллиот?

— Ты знаешь, что у меня от тебя глаза болят?

— Ты сказал то же самое о Джане.

Я улыбнулся, поняв насмешку и то, что ей на самом деле кажется это забавным. Она

заметила мой контрперенос, связанный с кем-то вне кабинета терапевта. Переключение было необходимо. Контрперенос, когда у терапевта возникают запрещенные чувства к пациенту, намного хуже. Однако этот случай был под контролем, с моим контрпереносом к Фионе можно было справиться. Именно поэтому мне нужны эти сеансы с терапевтом — чтобы держать вещи под контролем.

— Не доверяю намерениям ее отца, — сказал я. — Он приходит ко мне и просит выпустить ее. Говорит мне о том, что она будет под присмотром, а меня щедро отблагодарят за потраченное время. То, как он сказал это, было неправильно.

— То есть ты думаешь, что он должен был попросить тебя оставить ее для дальнейшего наблюдения?

— Я думаю, что сам факт такой просьбы является проблемой. Если бы он попросил меня кормить ее в полдень, то ее бы кормили в одиннадцать, потому что я не доверяю ему.

— Это похоже на протест, — сказала Ли.

— Ты никогда не встречалась с этим человеком.

— Любой человек, смотревший телевизор, знает, что происходит. Средства массовой информации как стервятники кружат над ней из-за аварии с ее братом и нападения с колющим предметом на ее бойфренда, ни один нормальный человек не смог бы пережить это. Она вернется к наркотикам. Выпустить ее — означало бы толкнуть на истинный путь провала.

Ли откинулась на спинку кресла. Я не знал, нужно ли ей было пространство для живота, или она опешила от моего тона.

— Ты веришь в то, что принял это решение исключительно на основании объективных данных? — спросила она.

— Ли, какая разница, если это было правильное решение?

— Ты мне скажи.

Я не сделал этого, потому что не был готов сказать вслух о том, что у меня были чувства к Фионе Дрейзен.

Глава 3.

ФИОНА

Мне не нужна была черная тьма, чтобы уснуть, и это было хорошим знаком с тех самых пор, как я трахалась где и когда угодно. Иногда после этого мне нужно было отключаться. Однажды в половине одиннадцатого утра я проснулась сверху на Оуэне Бранче на полу клуба «Разрешение получено». Свет нигде не горел, а дамочки в голубых смокингах пылесосили пол под испанскую музыку, лившуюся из магнитолы. Оуэн даже толком не проснулся, но уже поджег косяк и передал мне. Я отключилась еще на полтора часа.

Но в Вестонвуде мне пришлось столкнуться с проблемой, которой не было прежде: мне все мешало уснуть. Знала, что не могла винить в этом свет, пробивавшийся из окошка на двери, сверчков или шум воды в трубах, когда где-то спускали воду в туалете.

Я ударила Дикона ножом, и теперь меня накрывала волна сожаления. За все, что натворила за все эти годы. Каждое ветреное предательство. Каждую прихоть. Каждый раз, когда я причиняла кому-то боль, совершив мелкое нарушение. Вина за то, что бросила Оуэна

после выпускного в высшей школе. За то, что сосала его член на следующей неделе только потому, что он просто оказался рядом. За то, что выбросила его телефон из своей машины на 101-ой улице после того, как услышала от Оуэна, что он кончил мне в рот только потому, что он был красивым. За то, что остановила машину и ударила его в лицо, а потом рассказала всем о том, что он сделал, чтобы никто не тусовался с ним.

Люди подобного статуса, находившиеся в центре внимания, не любили, когда сраный пьянчужка записывал их гребаные сеансы. Таким людям не нравилось, когда им говорили, что они делают все только для себя. Нет. Просто нет. Именно поэтому микрофоны можно было увидеть повсюду вокруг дома Дикона.

И все равно. Я не была сконцентрирована на своей правоте. Моя правда не причиняла боли, позволяя мне существовать после полного самоуничтожения. Поэтому я сделала то же, что и каждую ночь в Вестонвуде: выбрала случайный момент из своей жизни и погрузила его во мрак. В ту ночь это был Оуэн. Мне не стоило бить его в лицо. Он был безобидным серфингистом с огромным членом и к тому же постоянным обломщиком. Я была уверена, что ни один из моих друзей больше не заговорит с ним, и так же не стоило выбрасывать его телефон из машины. Он был ему дорог, но мне было все равно.

Где-то спустили воду в туалете. Послышался шум в трубах.

Наступало утро.

Я не несла всякую чушь моему новому терапевту. Она была всего лишь сукой за столом, которая притворялась, что поддерживает мой процесс «восстановления». Тот факт, что я еще не заехала кулаком по ее лицу, был испытанием для моего восстановления, и каждый раз я выходила от нее словно скрученная в узел. И была уверена, что именно она и пригоршня таблеток, которые мне давали, были причиной моей бессонницы. Я не спала дольше нескольких часов за ночь с тех пор, как ушел Эллиот.

— Ты не шизофреник, — сказала моя новая сука-терапевт. — И не страдаешь от синдрома нарциссизма. И не было истории с применением насилия.

Ее офис напоминал музей национальных артефактов Америки. Ловцы снов. Маски. Настенные гобелены и ковры ручной работы висели на стенах в рамках.

— Вы говорите, что со мной все в порядке, — но я даже не вникала. Просто убивала время. Мы уже сто раз об этом говорили. Даже не подозревала, чего она от меня ожидала, а если бы и узнала, то это стало бы открытием века.

— Вся идея о зависимости от секса — это путь, чтобы навязать определенную модель и выставить вменяемых людей ненормальными. В большинстве случаев этими ненормальными людьми являются женщины. Если тебя не огорчает собственное поведение, то все, что ты делаешь, нельзя назвать неправильным.

— Значит, вы отпускаете меня?

— Я не пытаюсь воспринимать твою любовь к сексу как патологию, но до сих пор неясно, как это воспринимает твой мозг. Твоя память скомкана, и я подозреваю, что в конюшне произошло нечто большее, чем ты готова признать. И ты все еще агрессивна, в основном тогда, когда в комнате мужчины. Я бы хотела разобраться в причинах этого.

С учетом того, что я потеряла рассудок в три часа в кафетерии, она была права. Это учреждение не разделяло пациентов по половому признаку, поэтому мужчины всегда были рядом. Их не было только во время наших сеансов.

— Мне обязательно здесь находиться, чтобы вы сделали это? — спросила я. —

Помните, что вы должны вернуть меня к нормальному существованию в обществе. Это не простой случай, когда я выхожу отсюда полностью излеченным человеком, который может получить работу и создать нормальную семью, так ведь?

— Ты здесь. Это время необходимо для тебя. Подумай об этом. Я могла бы предоставить тебе достаточно времени, чтобы помочь тебе разобраться с отношениями с Диконом и отцом.

Она преподнесла это, будто торт на день рождения. Подарок века. Неопределенное количество времени в Вестонвуд Спа, с ментальным эквивалентом горячих камней и отшелушивающих скрабов, и ее вмешательством по поводу моего отца, которого я при ней не упоминала, и Дикона, который вообще ее не касался.

— А с чем уйдете вы? — спросила я.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — она склонила голову набок, ее волосы, собранные заколкой с чем-то, похожим на перья с бразильского карнавала, спадали на спину, а на лице было заинтересованное выражение.

— Мы выявляем некую травму, скажем, через два или три месяца, а вы? Для вас это огромная куча работы.

— Это работа, которую я люблю. Помогаю тебе исцелиться, — ответила она.

— Разве у вас нет какой-нибудь высокооплачиваемой работы в Беверли Хиллз?

— Да, у меня есть частная практика. Куда ты клонишь, Фиона? Боишься, что я брошу тебя, как предыдущий доктор?

Ей бы стоило знать меня лучше. В прошлый раз, когда она пыталась начать разговор об Эллиоте, я остановила ее, потому что поняла, что он ушел, чтобы защитить меня, и сказал об этом только мне. Я бы не предала его, потому что уважала. А она с покровительственной улыбкой и стоящими на столе локтями обвиняет Эллиота, даже не понимая, о чем она, блядь, говорит.

Я ненавидела её. Возможно потому, что она не была Эллиотом. Или потому, что она была той, кого можно ненавидеть, потому что пыталась заставить меня ненавидеть мужчин вместо того, чтобы ненавидеть ее прическу с бразильскими перьями.

И, блядь, меня бесили ее бразильские перья.

Большинство наших сеансов проходило именно так. Я просто отрицала все, что она говорила. Если она произносила, что небо ясное, то я утверждала, что оно затянуто тучами. Она говорила мне, что я была больна, а в ответ слышала, что со мной все хорошо. Она пыталась заставить меня согласиться с тем, что мой отец растлил меня, а Дикон избивал меня без моего согласия, и что во время секса я всегда была согласна терпеть унижения. Она сама не понимала, что это не было правдой. Было тяжело намеренно деградировать. Унизительно, но все же горячо.

Я не понимала ее. Почему ей было настолько небезразлично? Почему она не могла просто выслушать мои проблемы и решить, была ли я достаточно вменяемой, чтобы отправиться на допрос, или снизить дозу медикаментов, чтобы у меня не было желания бросаться вещами, а затем просто отпустить меня? Конечно же, больницы не были нужны деньги моих родителей так сильно.

— Дело не в деньгах, — сказала Карен однажды за ланчем. Она сидела в инвалидном кресле, к ней была подсоединена трубка, через которую в ее организм поступала пища. Большую часть времени она была слаба настолько, что даже не могла самостоятельно встать, но когда это ей удавалось, Карен пыталась найти меня. — Ты как редкое животное. Богатая.

Известная. Живешь в тюрьме. Сколько в мире подобных тебе? А ты сидишь в их кресле. Они могут впиться в тебя зубами и использовать тебя.

— Для чего? Все ведь конфиденциально, разве нет?

— Конечно. Но под действием алкоголя? Кто знает, что они говорят на вечеринках, чтобы заполучить еще одного клиента? Или своим личным терапевтам. Нет никаких секретов. Мой последний парень написал статью об анорексии и богатстве, и в той статье фигурировал пациент, который был очень похож на меня. И адвокат не мог ничего сделать.

— Господи.

— Ага. Больше я с этими ебаными ублюдками не разговариваю. Никому и ничего не рассказываю. Даже своим друзьям.

Что я рассказывала Эллиоту? Все? Абсолютно все? Доктор Бразильские Перья не получила ничего, кроме отговорок, но Эллиот расколол меня. Я доверяла ему, но стоило ли? Начинала скучать по своим друзьям, которые понимали, что и когда говорить. Я доверяла им, потому что они жили в тени моей жизни.

— Это не как Оджай, — произнесла я. — Мы зависали с неправильными людьми. Сбавь обороты, когда выйдешь. Мы перестанем трахаться. И тем самым ограничим ущерб.

— Правда?

— Да, — я отталкиваю еду. Что, если Эллиот рассказал всем обо мне? Что я была зависимой от секса светской львицей, которая не знала, как и когда она ударила ножом любящего ее человека?

Мне было плевать, что думали люди, но представив Эллиота на вечеринке за обычным обсуждением моих проблем без упоминания имен, и то, как глаза людей расширяются от осуждения... Эта сцена меня тревожила. Мысль об Эллиоте, спокойно рассказывающем о моих проблемах, причиняла боль на таком уровне, который я даже не могла постигнуть. Это был он, и то, что я *чувствовала* к нему.

Он ничего не чувствовал?

Я была лишь объектом удовлетворения его любопытства?

Он ушел потому, что больше не мог меня выносить?

Мне тяжело давалось восприятие этой мысли, было сложно выбросить ее из головы. Она танцевала чечетку и с каждым стуком становилась все более презрительной и высокомерной. Я так сильно сжала вилку, что она оставила отпечатки на моих пальцах. Разжав их, увидела темно-фиолетовые следы. Пробежала пальцем по коже. Она была онемевшей и сверхчувствительной одновременно.

— Ты спала прошлой ночью? — прошептала Карен.

— Нет. Я не могу спать.

— Они дают тебе что-то от этого?

— Оно не работает. Мне нужен «Гальцион». Только он поможет.

Кто-то кладет руку на мое плечо, и я подпрыгиваю.

— Прости, — произносит Френсис, — я не хотела тебя пугать.

Я не слышала, как она подошла ко мне.

— Все в порядке, — ответила я, но не имела это в виду. Она весь день работает с такими людьми, как я. И знает, как подходить. Но я была такой уставшей, что подчинилась.

— У тебя посетители.

Не знаю почему, но подумала, что это мог быть Дикон. Я до сих пор лелеяла детскую надежду на то, что он придет и заберет меня. Трепет от этой мысли был написан на моем

лице.

— Это твои сестры.

Глава 4.

ФИОНА

Мои сестры.

Их было шестеро, и брат. И даже если Френсис говорила обо всех, то не было ни единого шанса, что они все одновременно будут здесь.

Я вышла во дворик, и Марджи встала, чтобы обнять меня.

— Прости меня, солнышко, — сказала она. — Мне жаль, что пришлось оставить тебя, — Марджи отстранилась, но по-прежнему держала меня за предплечья. — Хорошо выглядишь.

— Ты снова мой адвокат?

— Нет. Я просто приехала навестить тебя.

— Мне не нравится новый парень.

— Он очень опытный, — сказала Тереза, стоявшая позади Марджи. — Он уже нашел тебе нового судью.

— Господи, Тереза. Не подкрадывайся ко мне вот так, — я обняла ее, и когда она отстранилась, снова откинула свой хвост назад.

Некоторые девочки стали настоящими сучками уже в раннем возрасте, в восемнадцать лет Тереза была именно такой. Всегда хорошей и правильной. Она сидела ровно, жевала с закрытым ртом, говорила «пожалуйста» и «спасибо», одевалась для каждого случая по-разному. Такая идеальность была привита ей с рождения. Никто из нас больше не был столь консервативным. Рыжий цвет, свойственный членам нашей семьи, только слегка был заметен в ее волосах. Я понятия не имела, что она здесь делает. Тереза меня ненавидела.

— Итак? — произнесла я, опустившись на садовую лавочку и раздвигая ноги совсем не как леди. Мне хотелось выставить свое развратное тело напоказ перед ней, чтобы заставить ее почувствовать себя некомфортно. — Как вы, дамы?

— Я в порядке, — ответила Тереза, сжимая колени вместе. — А как ты?

— Схожу с ума. Что вам нужно?

— Я просто пришла тебя проверить. Это жест вежливости.

— Потрясающе, у меня чай со Спенсом и Чипом в три часа, а потом небольшая игра в бадминтон. Вы присоединитесь к нам? — я кивнула головой в сторону поля, где находились площадки для крокета и бадминтона.

— О, Фиона, — Марджи откинула волосы назад.

— Небольшой разговор облегчает, а не вредит, — вспыхнула Тереза.

— Мне не нужно никакое облегчение, если только не берут мой зад.

Я хотела шокировать ее, и мне это удалось. Идеальная маска на ее лице, казалось, спала на мгновение. Мне казалось, что я попала в цель только до того момента, пока она не засмеялась. А после к ней присоединилась и Марджи. Я почувствовала гордость за то, что рассмешила их. Хоть Тереза была младше и противней, я была зла на Марджи. Этим смехом они словно показывали, что понимали меня. Но я знала, что это не так, и это было под

влиянием момента.

— Ладно, дамы. Я занята поиском полноценности, — произнесла я. — Серьезно. Почему вы пришли без родителей?

— Они заняты, — отрезала Марджи.

— Ага, лучше сказать, что мама ненавидит дискомфорт, а после ее последнего визита с вопросами о том, касался ли отец меня когда-нибудь, я подумываю, что больше она не будет рада меня увидеть.

— Что ты сказала ей? — спросила Марджи сдавленным голосом.

Я сжала губы, а потом привела их в нормальное положение.

— Он никогда не прикасался ко мне.

— Это именно то, что ты ей сказала, или это просто факт? — спросила Марджи.

— И то, и другое.

Она просканировала мое лицо в поисках подсказки, как и во время клятвы, которую я нарушила намеком на скрытую правду.

— Чего ты хочешь от меня, Марджи?

— Судью поменяли. Отец хочет, чтобы ты вышла. Почему — это вопрос заинтересованности, — ответила она.

— Он хочет отвлечь внимание, — мягко произнесла Тереза в свои руки. — От того, что происходит с Джонатаном. Я знаю его. И понимаю его логику, — она подняла руку вверх и с неохотой показала клятву Дрейзен. Будучи второй по старшинству, она редко это делала. Было некое скрытое невысказанное уважение перед старшими, которые открывали ее.

— Клянусь перед Богом, — ответила я, удерживая свою руку наверху, — шестьдесят процентов деятельности моего мозга занято тем, что сказано при клятве, тем, кто ее дает, и тем, когда она дается. Я не настолько смысленная, дамы. Не наливайте слишком много — вода убежит.

— Клятва открыта, — произнесла Тереза.

— Ладно, давай.

— Джонатан.

Все, что сказала Марджи — это имя нашего брата, и потенциально длинное предложение закончилось молчанием. Пение птиц и возня насекомых в саду казались слишком громкими.

— Я знала, что с его девушкой было что-то... что грызло меня, словно при встрече с ней происходило нечто такое, за то мне должно быть стыдно.

— Рейчел. Она мертва, — произнесла Тереза, закрыв глаза и собираясь с силами. Марджи положила свою руку на предплечье Терезы и дала ей продолжить. — У Шейлы была вечеринка на прошедшее Рождество. Мы с Рейчел пришли за два дня, чтобы помочь все организовать. Она знала окрестности. Поэтому в ночь вечеринки Рейчел осталась после того, как большинство членов ее семьи уехало. Джонатан напился и начал вести себя, как задница. Она взяла его машину и... — она прочистила горло прежде, чем продолжить. — Нашли машину, но тела там не было.

— Мне жаль, — ответила я.

— Рейчел была моей подругой. У нее были проблемы дома, поэтому она часто приходила к нам домой. Папа, он... Ну, она начала получать подарки и не говорила откуда, это было несколько лет назад. Так что... — она снова прочистила горло и отвела глаза в сторону сада.

— Она и папа... Когда ей было пятнадцать, — отрезала Марджи своим профессиональным тоном.

Тереза подняла какую-то нитку.

— Джон узнал несколько недель назад.

— Никто из нас не знал, — вмешалась Марджи.

— Это сама жуткая вещь на свете, — произнесла я. — Seriously, я думала, у них с мамой настоящая любовь на всю жизнь. Я законченная дура в розовых очках.

— Тебе не стоит использовать такие слова.

— Блядь! Блядь! Блядь!

— Ты можешь прекратить? Не нужно все усложнять, — лицо Терезы было напряженным, а пальцы сжались.

Марджи посмотрела на меня, ее взгляд говорил мне заткнуться. Озвучивание плохих новостей она обычно брала на себя, но Тереза, словно сгорбилась от того, что произнесла плохие вещи, и Марджи ее поддерживала.

— Ладно, продолжай, — сказала я.

— Они не сказали тебе, потому что не хотели расстраивать.

— Просто не хотели расстраивать сами себя.

— Джон пытался покончить с собой, — произнесла Тереза.

— Что? Когда?

— Менее недели назад, — ее голос затих. — Я нашла его. Он лежал с горстью таблеток, из-за которых у него случился сердечный приступ. Это было ужасно. Действительно ужасно. Это сломит маму.

Я посмотрела на Марджи.

— Он в порядке?

Мой брат — единственный и самый младший из нас восьми — был наследником, сокровищем и высокомерной задницей, которой я никогда бы не навредила.

— С ним все хорошо. Они устроили его сюда вчера вечером. Скорее всего, мама приедет сегодня днем, чтобы сказать тебе, но ты знаешь, как это делается.

— Сюда? Они устроили его сюда?

Марджи схватила руку Терезы, освободив ее от обязанности продолжать.

— После попытки самоубийства домой не отправляют. Им нужно выяснить, есть ли риск для него самого. Это как нянька, только чертовски дороже.

— Можешь и не говорить, — прошептала Тереза. Она повернулась к дворику всем телом.

На нее попали солнечные лучи, и я заметила темные круги под глазами и бунтарскую прядь, вырвавшуюся из ее хвоста. Она потеряла свою подругу, а ее брат чуть не умер. Сестра находится в лечебнице, а отец любит молоденьких девочек. Я поняла, что у нее есть своя зависимость, совершенство было тем наркотиком, который она выбрала для себя.

— Тереза, ты хорошо себя чувствуешь? Выглядишь, словно побывала в аду, — сказала я.

— Она была моим другом, но была влюблена в деньги. Скорее всего, именно поэтому она ушла от отца к Джону... Боже, это даже произносить тяжело.

— Слышать это не легче.

— Я думаю, что она пыталась шантажировать отца, — сказала Тереза. — Это хаос. Я никогда не видела отца в таком состоянии. Он боялся. Это страшнее, чем что-либо.

— Он не напуган, — отрезала Марджи. — Просто играет на этом. И да, она пыталась

шантажировать отца. Я знаю это из своих источников.

— Почему он просто не заплатил ей?

— Может, и заплатил, — ответила Марджи. — Но она все равно доставала его.

— А потом и меня, — произнесла Тереза. — Она говорила о Джонатане и отце вещи, полные ненависти, словно пыталась заставить и меня ощутить то же самое. Сначала мне было не по себе о того, что она встречалась с моим братом. А теперь снова это же чувство. Когда увидишь Джонатана, можешь сказать ему, что мне жаль? Мы сильно поссорились перед этим. Я называла его такими словами... Не знаю, что на меня нашло, — она прижала ладони к коленям и уставилась на них. — Мы не можем драться друг с другом. Репортеры задают вопросы. Творится настоящий дурдом. Спрашивают о Рейчел и тебе. Они хотят использовать нас. У всех есть камеры, но я больше не хочу, чтобы нас использовали.

— Мы как цирк, — сказала я. — Не знаю, как избавиться от этого.

— Я собираюсь сделать это, — Тереза сжала челюсти, и маска стальной решимости появилась на ее лице. — Стану обычным человеком. Найду работу и буду делать карьеру, как и все. Найду друзей, которые будут любить меня за то, какая я, а не ради денег или чего-то другого.

— Удачи в этом, — ответила я, покачав головой, предвидя провал в достижении этой цели стать простым человеком.

Тереза уже пересекла половину пути, а Марджи взяла мою руку в свою.

— Держи свое дерьмо при себе и сможешь выбраться. Время твоего заточения — всего лишь несколько дней, твой парень не выдвигал обвинений, поэтому тебе, вероятно, удастся избежать многих вопросов и унижений, если не будешь высовываться. Это тебе сестринский совет.

— Противоположный тому, что ты даешь обычно?

— Ты нужна Джонатану. Он сам не свой. Будь здесь ради него. Это действительно напоминает цирк. Они показывают пальцем на отца, значит будут задавать вопросы.

— Я попросила маму поговорить с Кэрри. Мне жаль, я просто...

— Все в порядке. Забудь.

— Кэрри всегда знала, что у отца был... Я даже назвать это не могу. Всегда думала, что она... Этого я тоже не могу сказать.

Не могла сказать, что Кэрри всегда поощряла любовь отца к молодым девочкам, и это заставляло меня думать, что она получала больше сексуального внимания, чем кто-либо из нас. У меня нет доказательств, только интуиция. Так или иначе, Кэрри все равно не говорила об этом.

— Кэрри сама может о себе позаботиться, — ответила Марджи. — На твоём месте я бы оставалась здесь как можно дольше. На самом деле я бы даже сама к себе сейчас прислушалась.

— Если бы ты была здесь, то я бы ад перевернула, чтобы вытащить тебя.

— Намекаешь... на что?

— Ты бросила меня.

Она опустила руки на бедра.

— Для твоего же собственного блага.

— Не пора ли другим прекратить решать, что будет лучше для меня? Возможно пора начать относиться ко мне как ко взрослой и способной самостоятельно принять за себя решение? У меня есть свои собственные причины, по которым я хочу, чтобы ты была моим

адвокатом, и это не имеет ничего общего с опытом. Не хочу открываться кому-то чужому и опытному человеку. Мне нужен тот, кто будет работать со мной и воспринимать меня такой, какая я есть. Разве ты не видишь?

Она не ответила. Поцеловала меня в щеку и зашагала к двери, таким образом уйдя от ответа.

Глава 5.

ФИОНА

Я успокоила своих сестер и дала им обещание, которое вряд ли смогла бы выполнить. Только такой наивный человек, как Тереза, могла что-то сказать такой психопатке, как я, и только член семьи Дрейзен мог унести с собой это «что-то» в могилу.

— Они хотели прийти. Это так важно, Дина?

Бразильские Перья звали Дина. От этого мне захотелось пнуть щенка.

— Ты выглядишь расстроенной, — сказала она.

— Я не расстроена.

— Ты до сих пор не вспомнила то, что произошло в ночь твоего появления здесь. Честно говоря, я вряд ли отправлю тебя домой до тех пор, пока ты не вспомнишь.

— Это не является условием моего освобождения. Если верить моему адвокату.

— У нас есть некая свобода действий.

— Вы имеете в виду, что можете сделать что угодно. Вы знаете, что вспышки агрессии были обоснованными. Все остальное просто херня.

— Что именно, по-твоему, происходит, Фиона? — она опустила локти на стол. Ее долбаная прическа наклонилась в правую сторону, а подготовленное, пустое выражение лица высасывало не только воздух из комнаты, но и правду из меня.

— Думаю, вы хотите подняться по карьерной лестнице, — несмотря на то, что голос в моей голове приказывал мне остановиться, я продолжила. — Думаю, что вы собираетесь изменить имена, чтобы защитить невиновного, написать статью о знаменитой испорченной наследнице и ее отце, который в довольно раннем возрасте женился на ее матери. Думаю, вы посадили меня назад на «Паксил», с которого Эллиот меня снял, чтобы я не могла себя контролировать и спала в дневное время.

— Еще не доказано, что у «Паксила» есть побочные действия, — она откинулась назад, скрещивая руки на коленях. — Очень интересно, то есть ты думаешь, что доктор Чэпмэн где-то в глубине души испытывал к тебе теплые чувства.

— Я думаю, что вы — подлая, — мои нервы были готовы раскалиться добела, и уже ничего не смогло бы остановить меня от того, чтобы нахрен сжечь всю эту фигню. — Полагаю, что вы — бессердечная пизда. Я для вас — просто вещь. Безделушка на вашей полке. Вы думаете, что работа со мной весьма несложная, и хокка является шоу, только если вы не спите под тем одеялом, от которого у меня начнется оспа.

— Давай поговорим...

— Пошла нахуй.

— Твои чувства...

— Пошла нахуй.

— Фиона, это...

— Пошла нахуй.

— Дикон связался с больницей.

— Пошла нахуй.

— Он хотел увидеться с тобой.

Она это сделала. Остановила мой поток ярости проблеском надежды.

— Это шутка. Я...

— Я сказала ему, что пока ты полностью не начнешь принимать участие в терапии, ему не позволят увидеть тебя.

— Что?

— Скажи мне, Фиона, ты бы позволила ему здесь появиться, если бы была по эту сторону стола? Твоя последняя вспышка жестокости вне этих стен коснулась его. Ты заблокировала это в своей памяти. Видя, что он мог бы дать толчок, к которому ты не готова...

Все закончилось на слове толчок. Как раз это сработало отлично. Я очень четко все помнила: давление на мою правую ногу, когда я встала, ощущение твердой поверхности деревянного стола, на которое я опиралась левым коленом, чувство полета, когда я выпрямила ногу на ее столе, и падение вперед в поной уверенности, что мои руки достают до ее сраной лживой глотки.

Думаю, что я кричала, и, кажется, именно это и спасло сучке жизнь.

Глава 6.

ЭЛЛИОТ

Как и любой уважающий себя богатый хиппи из Сан-Франциско, Джана посвятила себя терапии. Как и любой существующий неврастеник, она не осознала глубину своего невроза до тех пор, пока уже по уши не погрузилась в него.

Мой отец сказал мне, что время, которое я провел в семинарии, сделало меня более сосредоточенным, слишком теплым и сопереживающим, чтобы увидеть истинную цену каждого человека, но он никогда не славился своей гуманностью. Лишь своим умением анализировать данные и доминирующим отношением. Факты говорили ему, что Джана была прекрасна, а его властность подсказывала, что она доставит много хлопот.

Все первые месяцы наших отношений я работал в сане священника в Алондра Хауз в Комптоне, а Джана была моим спасением. Она не хотела говорить о моей работе, и это было время спокойствия. Мы вместе готовили, играли в волейбол на пляже, сидели на моем крыльце с пивом по ночам и наблюдали за вечеринками западного Голливуда, которые проходили в квартале по соседству.

Но мне было сложно вечно разделять работу и жизнь. Одна мать, которую я лечил в Алондра Хауз, посадила своего сына на наркотики. Ему было восемь. Я доложил об этом, и последовавшие за этим угрозы от ее банды были весьма серьезными. Никто не хотел, чтобы навредили тому, кого они любят, но я бы не позволил восьмилетнему мальчику заниматься сексом с мужчинами в обмен на наркотики для его матери.

Ну, извините.

Это было полгода назад, парня передали в приемную семью, шайка успокоилась, но Джана смертельно боялась, и большую часть своего времени я провел, разрываясь между желанием успокоить ее и сбежать.

— Доброе утро, — сказала Джана, когда я спустился вниз. На ней был пиджак с вышивкой и замшевая юбка, которые ни на ком другом не смотрелись бы так хорошо. Ее светлые волосы орехового цвета были стянуты назад и спадали по спине. Она была помощником директора в небольшой модной частной школе, где самовыражение было отправной точкой, а строгие преподаватели были реальностью.

— Эй, — ответил я, отказавшись от кофе, который она мне протягивала. — Я уже опаздываю.

По телевизору шло развлекательное шоу. Еще одна история о Фионе Дрейзен. Тот же кадр, который мы видели уже неоднократно: она приближается к черному «Рэндж Роверу» со своими проколотыми сосками и в расстегнутой блузке. Знание истории за кадром не делало ее менее ужасной, Фиона поморщилась на камеру, закрывая дверь.

— Аа, — сказала Джана, привлекая мое внимание. — Я думала, тебе надо выезжать в половине девятого?

— У меня работающая мать, которая хочет встретиться в восемь, в противном случае она потеряет работу, — я накинул на плечи свой пиджак. Не знаю, почему мне нравилось быть с ней резким.

— Ладно, я хотела сказать, что мы ищем духовного наставника в школу, — сказала она. — Психолога-наставника, и я подумала...

Я ее пугал. Это читалось в выражении ее лица и в том, как с ее языка соскальзывали предложения. Я ненавидел это. Не хотел думать о том, что она не чувствовала себя свободной для того, чтобы выразить свои мысли из-за моей реакции. Я обнял ее.

— Ты подумала, что у меня нет постоянной работы, поэтому мне может это понравиться?

— Да. У меня есть твое резюме. Могу просто подкинуть его Мэри.

Я поцеловал ее, и вкус яблочного бальзама для губ остался у меня во рту.

— Конечно. Отправь ей.

Глава 7. ФИОНА

Не сказала бы, что я проснулась. Я толком и не просыпалась. Я более-менее плыла по облакам, падала вниз, возвращалась на них и утопала снова. Волна мягкого белого света ударила меня в лицо, когда я почувствовала движение моего тела, но мое зрение оставалось неподвижным.

Моя киска тащила меня вниз. Как-то, пока мои ощущения были притупленными, пульсация возбуждения становилась центром, вокруг которого всё вращалось. Физическая потребность превосходила над умственной, а давление между ног требовало действия.

Я открыла глаза. Комната вокруг моей кровати была с белыми, обитыми микрозамшей, стенами. На полу был утеплённый линолеум без единого шва. Потолок из стекловолокна вмещал на себе три панели с мягким освещением, лишь на одной из них был конусообразный диск. Камера безопасности. До блеска вычищенный туалет. Дверь была

закрыта, запечатана, заперта, а окна здесь не было и в помине.

Одиночная.

Я потрясла правой рукой под повязкой, потому что не могла думать, пока не смочу свой пульсирующий клитор. Как только я коснулась одежды, в которую меня облачили здесь, в Вестонвуде, я почувствовала укол.

Мне было больно. Очень больно. Красная, ненасытная боль, преследующая меня по утрам в воскресенье. Я поднесла пальцы левой руки к носу, понюхав свою киску. Какими бы дебильными ни были эти таблетки, я была в сознании достаточно, чтобы мастурбировать так долго, пока нахожусь в этой комнате, и мне всё равно было это нужно.

Я осмотрела углы кровати. На них смирительные ремни свисали: мои руки они предпочли оставить свободными. Они позволили мне лишиться всех сил. Может, даже хотели этого. Ну, я не дам им то, чего они хотят.

Я села и огляделась, но смотреть было не на что. Как долго я здесь находилась? Этого никак не узнать. У меня не было часов. Я должна была быть в сознании, чтобы поесть, и я уверена, что не в их интересах было заморить меня голодом.

Я взглянула в камеру.

— Эй! Я есть хочу!

На самом деле, я не очень проголодалась, но я хотела, чтобы на меня обратил внимание хоть кто-то, хоть где-то. Я соскользнула с койки и ступила вперед, морщась. Было очень легко понять, как долго я была в этой комнате. Некоторое время до того, как я проголодалась, и некоторое время после того, как я натерла свой клитор настолько, что было больно идти.

Я пописала в маленькую ёмкость и помыла руки в маленьком белом умывальнике. Они наблюдали? Я была уверена, что да. К счастью для меня, мне было плевать.

— Эй! — прокричала я в камеру. — Весело было? Наблюдать за тем, как я писаю? Это также и больно. Знаете, впервые я думаю о том, что лучше бы вы меня привязали.

Я расхаживала по комнате, думая о том, что каждое связывание имело свою цель. Это было наказание. Наказание за то, что я попыталась задушить своего терапевта. Господи, я хотела Эллиота. Я упала на кровать, желая его. Все мои сексуальные фантазии о нём вылетели в окно. Я хотела сидеть за столом и разговаривать, или лежать на кушетке и слушать, как он отсчитывает обратно.

Три.

Два.

Один.

* * *

Дикон связал меня и оставил дольше, чем обычно.

Это ассиметричное связывание — демонстрация для Мартина. Я в трусах и майке. Они оба уже видели их множество раз, проделывая это с моим телом. Сегодня — только объективное наблюдение. Этого хотели все.

Я развернута лицом в потолок. Моё правое колено согнуто и подвязано в петле так, что касалось шеи. Левая нога была вытянута и привязана к левому запястью. Правая рука прижата к спине. Вокруг челюсти были верёвки, удерживая рот открытым, а голова покоилась на подвешенной верёвке.

Трусики сместились, как это бывает обычно, так что воздух ощущается между ног, и я чувствую, как остывает и высыхает моя влага. Голос Дикона становится гулом. Он показывает Мартину, как вязать узел, его руки прикасаются к моей коже там, где верёвка вжимается в моё тело, демонстрируя правильную крепость и умение обращения с собой так, чтобы не навредить ей. Руки Мартина — беззаботные и опасные — крепят верёвку на внутренней части моего бедра. Его глаза сфокусированы на мне, будто я какой-то предмет, какая-то вещица, которую можно трахнуть, и эта мысль обжигает меня, словно ярость. Сегодня он хочет меня. Я чувствую это по тому, как он водит по мне пальцами.

Я не могу говорить или шевелиться, и пульсация намного сильнее, чем когда-либо. Я глубоко в подсознании сдаюсь своему возбуждению и своему господину, пока он использует меня как куклу, чтобы показать Мартину искусство шибари.

Дикон, чьи руки я узнаю даже, если не вижу его, тянет верёвку, и я качаюсь вперёд и назад, словно маятник. Слышу, как Мартин уходит. В моём подсознании появляется картина того, как изгиб моего бедра рассекает воздух, словно арка врат рая. Когда мои покачивания превращаются в лёгкое кружение, Дикон кладёт свои руки на мои плечи и останавливает меня.

— Он никогда не коснётся тебя, — говорит он, пробегая пальцами по позвоночнику. — У него нет контроля. Я выброшу его, когда вернусь, — он вытягивает верёвку из моего рта, оставляя на языке привкус каната.

— Да, сэр.

— Ты выглядишь прекрасно.

— Чувствую... Господи, я чувствую всё.

— Как тебе верёвки?

— Хорошо, сэр.

Дикон стоит между моих ног в рубашке на пуговицах и джинсах, под угловым ракурсом глядя на моё тело.

— Ты — самая идеальная модель, которая у меня когда-либо была, — он кладёт руки на мой живот и скользит вверх к моей груди. Гладит её, пока не достигает сосков, заканчивая свою ласку, щипая и потягивая за кольца. — Каждый раз, когда я трахаю тебя, я хочу обладать тобой. Твоим удовольствием, твоей болью. Смотри, — он дёргает кольцо в соске, и меня выгибает в моих путах. — Как это прекрасно — контролировать тебя двумя кусочками металла и небольшим количеством верёвки. Ты хочешь, чтобы я тебя трахнул?

Дикон скользит пальцем по моей щёлке.

— Открой глаза, — он проникает в меня двумя пальцами, затем — тремя, и мои глаза распахиваются. Его руки — это источник удовольствия. — Смотри на меня.

И я смотрю. Он словно тень напротив окна, а его взгляд на моём теле оказывает эффект, равный ласке десятью руками. Он вынимает пальцы и облизывает их, а потом ведёт по моим губам.

— Кого ты чувствуешь? — шепчет он, но его голос больше напоминает командный окрик.

— Я чувствую нас.

Дикон вынимает свой член второй рукой и просто прижимается им к моей щёлке.

— Я мог бы наблюдать за тобой весь день, — произносит он, скользя в меня. Я стону. — Может, и буду.

Он вытаскивает свой член и прижимает его к моей киске. Его хватка на моей челюсти — сильная и болезненная, и, когда он шлёпает меня по груди, я чувствую спазм между ног. Ещё

один шлепок, и я люблю каждый укол боли.

Я вне своего разума, в удовольствии и боли. Он —слишком нежен для Дикона, даже когда вонзается своим членом так глубоко, что становится больно. Он не двигается, используя гравитацию моего подвешенного тела, чтобы контролировать давление на его член. Он дёргает верёвку, затем другую, пока я не поднимаюсь вверх. Он возвращает свою руку в мой рот и смещается, пока весь мой вес не оказывается на нём. Он так глубоко во мне. Не двигается, не вколачивается, просто углубляется.

— Я так и останусь, —произносит он. —Внутри тебя, пока ты не кончишь. —Между нами стекает моя слюна, капая на его живот. — Ты — маленькая шлюха, котёнок, но ты — моя маленькая шлюха. Ты понимаешь? Я владею твоим ртом. Я могу трахать его своей рукой, пока ты не истечёшь слюной. Я владею твой задницей, и если мне захочется, я могу вонзить в неё крюк. Твоя пизда — моя, и я могу трахать её всем, чем пожелаю.

Я соглашаюсь, стена и не сдерживая слюну. Я так близка, но он едва двигается, и это может растянуться навечно.

Дикон вытаскивает свою руку из моего рта и протягивает её по щеке, оставляя мокрый след.

— Ты — моё неоцененное сокровище, — его толчки становятся более затяжными и сильными. Он касается моего носа своим, пока я ускользаю всё дальше и дальше из сознания. — Скажи это.

— Я — твоя.

Он знает что-то о капитуляции и подчинении воли, и это заводит меня. Напор удовольствия вот-вот вырвется наружу.

— Ещё раз.

— Я принадлежу тебе, — я хватаю воздух после каждого слова. Он такой сильный, такой настоящий, и я чувствую себя так, будто сделана из пены. — Могу ли я кончить, сэр?

— Скажи это.

— Без тебя я бы умерла, Дикон.

— Ты хочешь кончить?

— Я бы умерла.

Я чувствую его улыбку на своей щеке и думаю, как мы начинали и кем мы стали. Возвращаясь назад в пустую комнату, я скольжу пальцами по болящему, ноющему клитору, сидя на унитазе в одиночной камере больницы для душевнобольных.

Глава 8. ФИОНА

Еду и маленькую ёмкость для таблеток просунули в отверстие внизу двери. Это было обычное гастрономическое дерьмо, которое я съела на краю своей кровати. Перекинула таблетки в горло и просунула поднос назад. В этой комнате меня покормили уже два раза: один раз яйцами, второй — сэндвичем. Я мастурбировала ещё два раза, но в последний раз я не смогла кончить из-за боли.

Большую часть своего времени я провела, сидя на краю кровати, интересуясь, когда они меня выпустят. Я спала. Я думала о жизни, обо всём в ней, и обо всех низких вещах, которые

я делала. Я украла парня Аманды в старой школе, увела его обещанием того, что сделаю ему минет. Я подстроила это, потому что кто захочет мужчину, которого можно так легко увести? Думала о времени, когда я трахалась с Кэвином Хартнайком, и заставила его плакать, когда не захотела больше этого делать. Или о том, как приглашала Гэри Адельстайна присоединиться к Эвану Фронету со мной в постели, даже если Эван не соглашался. Думала о моём первом анальном сексе перед тем, как мне исполнилось восемнадцать. Гэри удерживал меня над кухонным столом, когда он и Эван трахали мою задницу, пока я кричала как мелкая сучка.

После этого я плакала у Эвана на плече, потому что это была моя вина, разве нет? Я задела его чувства, и это я хотела оргию, не так ли? Это то, что он сказал мне, когда толкнулся свои членом в мой рот позже той ночью — что мы были равными, и я получила ту оргию, которой хотела. Если бы я просто расслабилась, это не было бы настолько болезненно, и им бы не пришлось меня удерживать.

В белой комнате в Вестонвуде не было ничего, что могло бы меня отвлечь. Я даже трахнуть себя не могла. Всё, что я могла делать, это пялиться на этот белый туалет, на эту маленькую раковину и думать: *сраный мой Боже, что я наделала?* Что я наделала? Что я наделала?!

Я держала тот нож для чистки копыт в своих руках впервые за несколько лет. Я чистила копыта Снежку. Они уже были достаточно чистыми, потому что Линдси заботилась о моей лошади больше, чем я. На руках были мозоли, и я плакала.

В этой комнате, где поговорить можно было только с унитазом, я потёрла руки. Там всё ещё были мозоли. Я видела маленькие тёмные пятна на местах там, где они были. Я держала тот нож в тот день. Из всех сраных вещей, которые я сделала, все предательское, душераздирающее, хладнокровное дерьмо, которое я сделала, самым худшим было ударить Дикона.

В той комнате, в которой не было ничего существенного, я чувствовала запах конюшни, запах навоза и песка, едкий запах сена. Я слышала скрежет ножа по копытам, пока чистила их. Снежку — такому хорошему и теплому — понабилась минута, чтобы вспомнить меня. Я боялась, что он меня ударит, так что села там, где он не смог бы до меня достать. Страх был там, просто под ребром, которое всегда болело, когда я думала о том, как он ударил меня в последний раз.

Я думала об этом снова и снова, и о том, как бросила его. Насколько нетерпимой и полной ненависти я была, чтоб сбросить свою ответственность на Линдси?

Я вспомнила *ту* ночь. Темноту, сверчков, страх, тревогу, ненависть к самой себе. Я была чертовски трезвой. И грустной, потому что мы с Диконом порвали. Острая боль в моём запястье напомнила мне о разрыве, и про себя я подумала, что заслужила её. Эта боль была моей. Я сама причинила её себе. Я скребла копыта слишком усердно, думая об этом, и Снежок дал мне знать, что я зашла на запрещённую территорию. Он содрогнулся так, что я отпрыгнула.

Когда я это сделала, я увидела кого-то позади меня и выпрямилась.

Это была дверь белой комнаты, которая открылась, и вошла Френсис.

Я не помнила, сколько дней я здесь уже находилась. Была ли я одурманена таблетками, или это половина дня без таблеток и скука так на меня влияли. Но я чувствовала, как пустота в маленькой белой комнате изменилась, запустила во мне процесс, который изменил меня достаточно, чтобы вспомнить то, что я предпочла забыть.

Хоть я и знала, что это была Френсис, я была одурманена, до сих находясь в конюшне, а она стала тем человеком, который меня удивил. Когда я стала действовать так, как действовала в воспоминании, я дважды ударила её в грудь ножом моего воображения.

Глава 9. ЭЛЛИОТ

Джана отрезала соцветия брокколи, когда я приехал домой. Я опаздывал на девять минут и не позвонил. Я звонил лишь, когда задерживался на десять минут, и к тому времени, когда я повернул на Ла-Синегга, я знал, что успеваю в девятиминутное окно.

Но ещё я не хотел ни с кем разговаривать.

— Привет, — сказал я, целуя её в макушку. — Как в школе?

— Хорошо. А как твой день? Как всё прошло?

— Хорошо, — ответил я. Хорошо означало, что меня всего лишь слегка потрепали события в клинике Алондра, где мои умения были бесполезными против постоянной плотины страданий. Вестонвуд со своим подушками на креслах, где психическая боль имела другую причину и тот же результат, был парой пустяков. — Как прошло тестирование?

— Учителя четвёртых классов захотели большей свободы действий, — я просмотрел почту, пока она говорила. — Ассоциация родителей считает, что это грандиозная идея. Но когда оценки их детей низкие, и они не могут попасть в среднюю школу, кто попадает в неприятности? — она указала на себя ножом.

Я до сих пор не хотел говорить с ней или с кем-либо ещё, но вечер выглядел так, будто всё складывалось хорошо.

— А Мэри, Королева Шотландская? Ты говорила с ней?

— Нет, — она разрезала брокколи с громким ударом. Мэри была директором школы, а Джана хотела больше полномочий.

— Тебе стоит с ней поговорить.

— Я говорила. Твой опыт в Вестонвуде не указан в твоём резюме.

Я не это имел в виду. Я имел в виду, что ей стоит поговорить со своим боссом о том, чего она хотела от своей работы..

— Ты, наверное, случайно отправил мне своё старое резюме, — сказала она.

Фрейд сказал бы, что случайностей не бывает. Он бы сказал, что я чертовски хорошо знал, какой именно опыт в моей работе Мэри хотела увидеть в моём резюме. Я сказал Джане продолжать. Что это говорило обо мне?

— Я думал, у тебя было новое. Прости.

— Я тут подумала, — начала Джана, скользя ножом по доске для нарезания. Она кокетливо взглянула на меня.

— Правда? — я откинул волосы с её шеи. У неё была очень милая шея.

— Если ты вернулся назад в Сент Пол, ты мог бы реорганизовать комитет.

— Нет, — прошептал я. Я не хотел, чтобы комитет хороших членов епископальной церкви решали моё будущее. Этот последний шаг будет за мной и только за мной.

— Если они одобряют твою кандидатуру, ты бы мог получить сан. Мог бы заняться чем-то постоянным.

— Это не та причина, по которой я отдам Богу свою жизнь.

Она опустила нож, и я почувствовал, как её челюсти сжались под губами.

— Ты жалуешься на страдания и Бога, а после идешь в Алондру, где нет ничего, кроме страданий, — сказала она. — Это будто ты то прячешь, то подставляешь своё лицо, чтобы в него плюнули.

Я отстраняюсь от неё. Я хотел поговорить о бейсболе, или состоянии сада, или проблемах на дорогах в час пик. Последнее, о чём я хотел говорить, было толкование земных страданий.

— Везде есть страдания.

Фиона, мой маленький случай контрпереноса, вспыхнула у меня перед глазами. Её страдания были ничем по сравнению с моими, и на другом уровне, что я когда-нибудь наблюдал.

Джана подняла нож. Ткнув острием в доску, она улыбнулась, будто выпуская негативную энергию.

— Хочешь острый соус к цыпленку? Или горчицу?

— Острый подойдет, — я направился в спальню, чтобы переодеться.

Джана позвала меня, когда я шёл.

— Ты опоздал. Я переживала.

Я притворился, что не услышал её. Не знаю, почему, но меня всё раздражало. Движение. Низкий уровень сахара в крови. Перевозбуждение. Позднее возвращение домой. Ящик шкафчика Джаны был наполовину выдвинут, что вывело меня из себя, а свет в ванной горел. Обычно эти вещи меня не волновали, но сегодня вечером, когда я снял свой пиджак, я ходил по краю лезвия.

Телефон зазвонил. Это была Френсис из Вестонвуда. У неё не было причин звонить мне. Я взял бессрочный отпуск, и вся бумажная работа была оформлена надлежащим образом.

— Доктор Чэпмэн? — сказала она.

— Здравствуйте, доктор Рамон.

— Мне жаль, что приходится беспокоить вас.

— Всё в порядке.

— Ваша пациентка, Фиона Дрейзен, говорит, что вспомнила, что случилось в день, когда она попала к нам.

Мною не должно было двигать любопытство или что-то ещё. Терапевт был лишь сосудом, и для пациента это было важным. Любопытство ставило желания терапевта на первое место вместо желаний пациента, а это было неприемлемо.

Но, блядь, мне было интересно.

— В самом деле? — произнёс я. — Это интересно.

— Она расскажет только вам.

Я выдохнул. Не хотелось, чтобы его услышали, хотя и мог предположить, что в этом вздохе было облегчение.

Глава 10 ФИОНА

Я не знаю, как долго я здесь пробыла, но меня оторвали от Френсис, сделали укол чего-то и оставили на полу. Это выбило бы дерьмо даже из дохлой собаки, но после того, что они мне вкололи, меня ничего не волновало. Я плыла высоко, словно воздушный змей, находясь между сном и бодрствованием, полностью в сознании, но не в силах контролировать ни своё тело, ни свои мысли. По крайней мере, боль от возбуждения ушла, будто огонёк свечки потушили влажными пальцами.

Снова и снова я возвращалась к моменту, когда ударила Дикона ножом из-за того, что испугалась. Я встановила детали, запахи, звуки и нашла в этом успокоение. Так я отреагировала на ночь здесь, а не на злость. Я сделала это не будучи в каком-то постыдном видении и не преднамеренно. Это было всего лишь безумное дерьмо, где меня сбили с толку, и я ударила его.

Слабый голос подсказывал из-за кулис этой сцены. *Кто это сделал? Ты слышала, чтобы такое случалось раньше? С чего бы этому иметь смысл?*

Но тот голос не хотел, чтобы я была счастлива. Тем голосом был мой отец с его критическим разочарованием и мои сёстры с их отвращением.

Нет. Страх занимал большую часть сцены.

— Фиона.

Я пришла в сознание достаточно, чтобы ощутить пол под собой. Кожей я чувствовала холодный линолеум.

— Фиона.

Снова этот голос. Мягкая податливость. Толстый слой сливок в банке.

— Доктор, — сказала я рваным голосом.

Он присел возле меня, упершись локтями в колени, и свесив запястья.

— Я вижу, твоя терапия продолжается.

— Я способствую выздоровлению, — я не знала, как сложить предложение, но оно выскользнуло изо рта, и он улыбнулся.

— Вы вернулись?

— Это сложно.

— Возвращайтесь.

— Я не вернусь, если ты не будешь сотрудничать.

Я поднялась на локте, и мир вращался, пока Эллиот выглядел так, будто собирался плыть боком, когда поддерживал меня.

— Я буду сотрудничать.

— Тебе нужно отдохнуть.

— Я помню, — ответила я. — То, что случилось в конюшне. Я помню всё.

— И? Тебе от этого лучше или хуже?

Терапевт до мозга костей. С фактами всё в порядке, но чувства преобладали.

— Лучше, — ответила я. — Даже отлично.

— Сосредоточься сейчас на этом.

Мой мозг был затянута тучами, но я проснулась достаточно, чтобы суметь усомниться в том, на чём меня попросили сфокусироваться.

ЭЛЛИОТ

— Это ошибка, — сказала Дина.

Она сидела за круглым обеденным столом. Перед ней валялась салфетка, скомканная в белый шарик, тонкий ломтик нарезанной ветчины и сэндвич. Она взяла ружьё.

— Ты не получишь ответной реакции от неё. Я не вижу смысла вовлекать тебя в это.

Я опёрся о столешницу и скрестил руки на груди. Серая комната с компостером и простыми столешницами была местом для многих обсуждений касательно пациентов, когда я работал в Вестонвуде, и я чувствовал, что я вернулся.

— Настоящий результат требует времени, а не сеансов и одиночных палат.

Она склонялась к гипнозу, который не действовал. Мне не нужно оправдываться перед ней ни минуты, но сначала мне необходимо обойти её. Это требовало ответа на вопрос, почему я вообще делал это.

— Как долго, ты думаешь, она здесь пробудет? — спросил я. — Это учреждение не для длительного пребывания.

— Что ты хочешь получить от этого, Эллиот? У тебя нет других душ, которые нужно спасти?

Френсис ворвалась в кабинет, неся кипу папок. Она атаковала холодильник и схватила буррито из морозилки.

— Доктор Чепмэн, спасибо, что пришли.

— Френсис, — сказала Дина, заворачивая остатки своего сэндвича с громким шуршанием. — Ты знаешь...

— Я всё знаю. Это моя работа, — она бросила буррито в микроволновку и хлопнула дверцей. — А вот что не входит в мою работу, так это терпеть нападения на меня. Так что, во-первых. Семья хочет, чтобы она вышла. Почему? Я не знаю. Но давление превращает управление этой больницей в проблему.

Я тоже не знал, почему. Френсис выставила таймер тремя громкими сигналами, и аппарат начал шипеть и потрескивать.

— Они хотят, чтобы она вышла отсюда, потому что заботятся о ней, — сказала Дина.

— О, ради Бога, — пробурчал я.

— Сначала они хотят запереть её здесь, а теперь хотят, чтобы она вышла. Ну, кнут у меня уже есть. — Френсис была в исключительно хорошей форме. Принуждение на самом деле добралось до неё. — Я бы спрятала своих детей в коробке прежде, чем позволить, чтобы моё лицо показали в этом медиацирке.

— Они защищают её странным образом, — произнесла Дина.

— Это не наша работа, — отрезала Френсис. — Моя первая обязанность — следить за этим учреждением. И если вы меня спросите, они не хотят, чтобы двое из их детей находились здесь одновременно. Это выглядит плохо. Так что это ведёт нас ко второму. Спустя месяц судьбе всё равно. Так что, так же сильно, как он хочет, чтобы она вышла отсюда несмотря ни на что — потому что он тоже участвует в этом медиацирке — ему почти нечего сказать, если Фиона сможет складывать полноценные предложения и не бросаться душировать простых прохожих. Например, терапевта.

— Или своего брата, — произнёс я.

Микроволновка издала долгий сигнал. Френсис открыла дверцу.

— У неё проблемы с мужчинами, — воскликнула Дина так, будто нашла клад с золотом. —

Если он останется здесь, то может открыть поток её старых чувств.

— Единственная мужененавистница здесь, это ты, Дина, — сказал я.

Она вскочила со скоростью выстрела, перевернув свой хромированный пластиковый стул.

— Это...

— Правда, — ответил я. — Это...

Френсис хлопнула дверцей микроволновки.

— Хватит. Достаточно уже. Мне нужно подсчитывать бюджет, на меня только что напала богатенькая наследница, и я голодна. Доктор, Чепмэн, у вас есть окно в вашем расписании, чтобы закончить начатое? Я знаю, что вы ушли, но я готова стать на колени.

— Нет, не готовы.

— Не вдавайтесь в тонкости.

— Френсис, — произнесла Дина, — пожалуйста, я могу это сделать.

— Ладно, — сказала она мне, а не Дине. — Нет, у вас не получится. Простите, но мне нужно, чтобы это всё закончилось гладко.

— Я сделаю это, — ответил я, не задумываясь. По крайней мере, Джана будет рада моему импульсивному решению.

— Спасибо.

— Могу ли я тогда заняться братом? — спросила Дина.

Мы с Френсис крикнули в унисон:

— Нет!

Глава 12

ФИОНА

Джонатан был в комнате отдыха, играя в пинг-понг со стеной. Из-за красноватых волос, роста и легкости движений его сложно было не заметить. Шарик ударялся о его ракетку с характерным стуком, а после ударялся о стену и стол с двойным щелчком.

Он стал рослым мужчиной. Он был малышом, маленьким королём столько, сколько я его знала. Но, видя его здесь, ударяющим по мячику снова и снова, с его большими руками и широкими, хорошо сложенными плечами, я осознала, сколько прошло времени. Я чувствовала себя старой.

— Эй, — сказала я, усевшись на подоконник рядом со столом.

Стол был прогнувшимся в середине, будто латинская буква «L», а он посылал шарик в противоположную сторону. Он двигался быстро и, казалось, даже не собирался скучать.

— Привет, — ответил он, сосредоточив взгляд на шарике.

— Как ты себя чувствуешь?

Он не ответил.

Стук. Щёлк-щёлк.

— Хорошо выглядишь, — сказала я.

— Ты что-то хочешь?

Стук. Щёлк-щёлк.

— Нас заперли здесь вместе. Думала, приду, поздороваюсь.

— Привет.

Он выглядел как мужчина, но всё ещё был мальчиком.

Стук. Щёлк-щёлк.

— Кто твой врач?

Стук. Щёлк-щёлк.

— Парень по имени Роджерс.

Стук. Щёлк-щёлк.

— Не рассказывай ему ничего.

Щёлк-щёлк.

Он поймал шарик посередине полёта.

— Что?

— Они выйдут наружу и используют нас, — сказала я.

— Ты рехнулась, Фи. — Он бросил шарик на стол и начал заново. — Рехнулась, но я никогда не принимал тебя за параноика.

Стук. Щёлк-щёлк.

— И что с тобой случилось? — спросила я. — То есть, Боже, Джонатан. Ты, правда, пытался покончить с собой?

Стук. Щёлк-щёлк.

— Собираешься стать моим терапевтом?

— Я просто не понимаю.

Стук. Щёлк-щёлк.

— Хреново у тебя с этим, — ответил он.

— Я — твоя сестра. Я хочу знать.

— Это не твоё дело.

Стук. Щёлк-щёлк.

— Это был папа? Это из-за того, что он был с Рейчел, когда она...

Он швырнул шарик о горизонтальную поверхность, от чего тот подскочил к потолку.

— Закрой свой рот!

— Успокойся, Джон.

— Успокоиться? Я, естественно, послушаю твоего совета. Ты — ебаная неконтролируемая наркозависимая девчонка, которая занимается Бог знает чем. Я даже не хочу говорить больше, потому что ты — моя сестра, но я читаю газеты, ладно? Ты исчезаешь на месяцы, показываешься на Пасху, и больше тебя никто не видит. Даже сраные папарацци не могут тебя найти. А потом тебя арестовывают, и дерьмо выплёскивается наружу. Теперь ты хочешь сказать мне, чтоб я все держал под контролем? Я даже не хочу, чтобы меня с тобой видели!

— Я знаю, кто я, Джон. Я чертовски хорошо знаю, кто я, и лучше тебя знаю, кого, с кем и когда должны видеть. Вот почему ты не слышал обо мне месяцами. Ясно? И пошёл ты нахер!

— Я просил их держать тебя подальше от меня, — произнёс он, указывая на меня ракеткой для пинг-понга. — Ты испытываешь моё кончающееся терпение.

Он был мальчиком в теле мужчины. Я знала о множестве его вспышек гнева. Он был таким же неконтролируемым, как и я. Я пыталась сдержать бурную реакцию, потому что знала, что кто-то близко наблюдал за мной. Мне не нужно было прерывать зрительный

контакт с моим братом, чтобы узнать это. Я набрала побольше воздуха. Он был моей семьей.

— Меня только что выпустили из одиночной, — сказала я, понизив голос. — Я пробыла там два дня, но показалось, что неделю. Соберись со своим дерьмом. Здесь за потерю контроля придётся заплатить высокую цену. Им хорошо платят, и они делают то, что хотят. Они накачают тебя лекарствами и запрут. Они свяжут тебя так надолго, как захотят.

Быть старшей сестрой имело свой вес, потому что на его лице я увидела, как до него стало что-то доходить. Его руки всё ещё были напряжены, и подбородок всё ещё выпирал вперёд, но в какой-то степени он принял подарок, который я ему дала.

— Обещай мне, — сказала я, протянув руку. — Обещай, что не расклеишься.

Он опустил свою ракетку и принял мои объятия.

— Я не могу поверить в то, что она мертва. Это — моя вина. То, что её семья делала с ней, было неправильно. Я не мог с этим жить. Животных обычно усыпляют из соображений гуманности, а я как раз такое животное.

— Ты был за рулём?

— Я был настолько пьян. Я не помню.

И тогда, будто меня огрели огромным тортом в лицо перед целой аудиторией, я прыснула со смеху.

Он отстранился.

— Что? Я...

Я просто продолжала смеяться. Я указала на себя, а после на него.

— Это семейное, — прохрипела я, а потом выставила перед собой руки. — Дрейзеновская потеря памяти.

Это было не смешно. Не на самом деле. Это было очень грустно, но он понял. Хоть он и не смеялся так сильно как я, он хохотнул и поднял свой маленький белый шарик.

Стук. Щёлк-щёлк.

Глава 13

ФИОНА

Я не могла поверить, что снова сидела перед Эллиотом. После разговора с Джонатаном я приняла душ и съела свой обед перед сеансом, пытаясь не допускать об Эллиоте самые откровенные мысли. Он заметит их, или я проговорюсь, а я не хотела, чтобы он знал.

В его офисе не хватало некоторых вещей, но фурнитура и мебель остались прежними. Падал всё такой же тёплый свет, и Эллиот выглядел точно таким же.

— Вам нужно подстричься, — сказала я.

— Я как раз над этим работаю.

— Я рада, что вы вернулись.

— Ну, я не совсем вернулся. Я вернулся для тебя, но у меня всё равно есть обязанности на другой работе, — ответил он.

— Я чувствую себя особенной.

— Ты и есть особенная, но дело касается лишь исправления ошибок. Мне не стоило оставлять твоё дело незаконченным. Мне стоило знать лучше.

— Так почему вы это сделали?

Он передвинул ручку на своём столе на полмиллиметра.

— В личной жизни появилось напряжение.

Два слова, и я знала, что он тщательно подготовил свой ответ.

— Правда? Кому-то не нравится, что вы работаете с богатенькими детьми?

— Моя девушка хочет, чтобы я был здесь.

Я напряглась, когда он сказал, что у него была девушка. Рабочие, которые закапывают сточные канавы, и то прикладывают меньше усилий, чем приложила я, чтобы скрыть выстрел адреналина, который пронёсся по мне.

— И что? — произнесла я. — Значит, вам нужно быть здесь.

— Для меня было бы неподобающе углубиться в это, но я не могу делать что-либо, чтобы удовлетворять других. Такие вещи, как моя рекомендация для тебя, просто пришли мне в голову дома, и это было моей обязанностью. Появилась другая работа, и я почувствовал, что нужен там, и закончил здесь. Но это не так. Я абсолютно не закончил здесь с тобой.

Он не мог иметь в виду то, как это звучало, глядя на меня, не отрывая глаз. Он не мог намереваться послать через меня покалывающий поток, от которого у меня между ног стало влажно, или до предела возбудить мои соски. Горло сжалось. Ни один мужчина за всю мою жизнь не лишал меня дара речи так запросто.

— Мне сказали, ты не спишь, — сказал он.

— Это от злости.

— Это часто происходит? Бессонница?

Я пожала плечами, глядя в окно. Его вид меня отвлекал.

— Иногда, когда Дикона нет. Иногда, когда очень много происходит вокруг. Знаете, я впадаю в депрессию.

— Ты на «Амбионе».

— Он не действует. «Гальцион» действует. (прим. перев. — оба препарата — разновидности снотворного).

— У тебя появится привыкание.

— Как и к общению с вами. — Говоря о привычках! Я восхищалась привлекательным мужчиной, даже будучи в мокасинах на липучках и в колючем комбинезоне без ремня на поясе. Выдохнув, я мягко рассмеялась. Я даже для себя была загадкой. Мне нужен был сон, и мне нужен был секс. — Дина сказала, что Дикон хотел меня видеть.

— Да.

— И?

— Что и?

— Вы позволите ему прийти? — спросила я.

— Сначала с ним встречусь я. Тогда, если я почувствую, что вы не опасны друг для друга, и ты всё ещё будешь хотеть увидеть его, ты сможешь встретиться с ним.

— Я хочу с ним встретиться.

— Что, ты думаешь, он скажет?

Он хотел знать, что я чувствовала к Дикону, и где мы находились в наших отношениях. Чего он не знал, так это того, что я была так рада его возвращению, что мне было плевать, что скажет Дикон. Я хотела отсосать Эллиоту за то, чтобы он хотя бы разрешил встречу.

— Думаю, он скажет многое.

— Например?

Я наклонилась вперед, поставив локти на его стол, и подпирая щеки ладонями.

— Он скажет, что я хорошо выгляжу.

— Что, если он расскажет тебе, что случилось в конюшне?

— Я знаю, что случилось в конюшне. Я чистила копыта Снежку. Было поздно. Когда он вошёл, конь дёрнулся. Я боялась, что Снежок собирался лягнуть меня, и почувствовала прилив адреналина. Когда я увидела, что позади меня стоит мужчина, я бросилась на него с ножом. Думаю, я вышла из-под контроля. То есть, ударить Дома ножом — не какой-то там пустяк.

— И когда ты с этим смирилась?

— В одиночной. Я, вроде так, вышла из транса и вспомнила.

— Ты использовала самогипноз. В большей части случаев это хорошо.

Мне было всё равно, о чём мы говорили. Моё тело чувствовало его близость, полюсы желания хотели притянуться к более широкому и более сильному стержню моей жизни. Может быть, он чувствовал это, и, может быть, он отрицал это, но это было. Секс был моим супероружием, и я знала, когда мужчина хотел меня.

— Почему в большинстве? — я провела пальцем по поверхности его стола, с ленивой настойчивостью изучая разницу между поверхностью стола и поверхностью блокнота.

— В большинстве — потому что твоё воспоминание не имеет смысла. В нём нет соответствий. Прежде это сбивало меня с толку, но это исчезает в мгновение ока.

— Вы думаете, я это выдумала?

— Фальшивые воспоминания под гипнозом очень распространены и они всегда на пользу пациенту.

Подождите, он намекает на то, что я заранее спланировала ударить Дикона? Или на то, что врала сама себе? Что облегчение, которое я почувствовала, ни на чём не основывалось? Бред. Я знала, что воспоминание было настоящим. *Знала. Ублюдох...* Он пытался удержать меня здесь, или сейчас попытался подать руку помощи свыше?

Я осталась спокойной и вздохнула. Я подвинула ручку на пару сантиметров прежде, чем вставить её в подставку. Он просто сидел через стол, а я хотела, чтобы он взял меня, как его маленькую ванильную шлюху.

— Думаю, я знаю, что Дикон собирается сказать, — произнесла я.

— Продолжай.

Я наклонилась вперед. Моя задница едва ли касалась кресла, и мой голос был похож на густой молочный коктейль.

— Котёнок, ты была такой плохой. Такой чертовски непослушной. Ты думаешь, я не накажу тебя? Моя маленькая сладкая шлюшка, ты делаешь эти вещи, и я наказываю тебя. Так же, как собираюсь и сейчас. Позволь мне сказать тебе, что случится, когда ты вернешься. Ты пойдёшь в мой кабинет. Наклонишься над столом, спустишь свои трусики до половины и расставишь ноги. На столе будет лежать паддл, и ты положишь его себе на спину. И тогда ты будешь ждать. Когда я приду за тобой, я возьму паддл. Ты получишь двадцать ударов по заднице и по бёдрам, котёнок. Ты будешь считать вслух количество ударов, пока я буду это делать. И ты не будешь кричать. Ты можешь плевать, можешь плакать, но ты не смеешь кричать. Ты можешь лишь благодарить меня. Когда я закончу с двадцатью ударами, ты возьмёшься за свои ягодицы руками и разведешь их для меня. Кожа под пальцами на твоей избитой заднице будет гореть, но я не хочу слышать никаких жалоб. Никакого крика. Никакого рыдания. Ты можешь лишь умолять меня трахнуть тебя. Я прижму твоё лицо к столу, когда буду трахать твою пизду, а потом и твою маленькую узкую попку. Я похороню

себя в тебе настолько глубоко, что твоя кожа натянется так сильно, что ты не сможешь меня принять, и я не хочу ничего, кроме благодарности, когда я кончу на твою спину. Ты понимаешь?

Я наблюдала за лицом Эллиота, и не увидела ничего. Он даже не моргнул.

— Ты, наверное, думаешь, что он очень зол на тебя.

— Это то, что он скажет, если он *не* злится. Если он будет в ярости, он не станет давать обещаний. Я знаю его.

Я ждала ответа и думала, что увидела вспышку эмоции. Я ожидала отвращения, которое является именно той эмоцией, которую испытывают все люди, когда слышат про отношения типа моих с Диконом, но это было не оно.

— Сеанс окончен, — сказал он. — Увидимся утром.

Глава 14.

ЭЛЛИОТ

Я захлопнул дверь за собой и запер её на ключ, взясь с ремнем и застежкой, будто я был юношей, который мучился с последней стороной кубика Рубика.

Мой член набух до такой степени, что стал фиолетовым, а кожа над синими венами натянулась. Давление в яйцах было таким тяжёлым, будто миллионы отрядов маршировали в ногу. Встав над унитазом, я три раза провёл по нему ладонью и взорвался, подавляя рычание, когда высвободил поток спермы на крышку бачка. Это было больше, чем высвобождение — удовольствие от этого простиралось далеко за грань простого оргазма.

Мой мозг мне не принадлежал. Я позволил ему воспроизводить образы Фионы: её розовой попки в моих руках, её криках, её ногах, запутанных в её одежде, её теле, которое напрягалось от рычания, когда она кончала, выкрикивая моё имя, а потом шепча его, словно в молитве.

Боже, помоги мне.

Глава 15.

ФИОНА

Окна одной из комнат отдыха выходили на передний дворик. Я знала, что он придёт. Я знала, что Эллиот позвонит ему сразу после сеанса, а Дикон не станет ждать ни секунды, чтобы увидеть меня. Когда я увидела чёрный Рэндж Ровер своего хозяина, подъезжающий к дорожке, а после паркующийся на стоянке, я почувствовала, как сотни недостающих кусочков пазла встали на своё место.

Я сказала это, и я имела это в виду — всё, что случилось, было подготовлено заранее. Это было тем, чем является, когда в твоей жизни есть Дикон.

— Эй, кто-то приехал? — Карен тащила за мной, толкая свою стойку с капельницей.

Лучи солнца, пробивающиеся через окно, делали её почти прозрачной.

Мне захотелось схватить её и скормить ей пирожное.

— Дикон.

Она встала рядом со мной и уставилась в окно. Мы так много слышали о жизнях друг друга за последние недели. В этом смысле я называла её другом.

Она наклонилась вперёд.

— Я могу достать тебе «Гальцион».

— Как? —прошептала я в ответ.

— Уоррена выпустили на свадьбу его сестры. Он кое-что мне доставит. Я могу сделать заказ и для тебя.

Я посмотрела на её скелетоподобное лицо. Голубые глаза, казалось, вот-вот выпадут, потому что мышц, которые удерживали их, почти не было.

— Что он собирает тебе доставить? —спросила я.

— Кое-что, что мне нужно, а у них этого нет.

— Пожалуйста, скажи мне, что это не амфетамины.

— У меня уже есть мамочка.

Я понизила голос практически до шёпота.

— Тебе не нужны диетические таблетки, Карен.

— Тебе нужен «Гальцион», или нет?

Дикон отдал обслуге ключи и направился к двери. Он застегнул пиджак и пошёл так, как только Дикон умеет ходить — смесь яростной уверенности и выдержки, комбинация гордости и жестокости.

— Он прекрасен, —прошептала она.

— Он —чистокровный.

И будто его внутренний GPS замигал красным, когда я оказалась в поле его действия, он поднял на меня глаза, пересекая парковку. Я приложила палец к стеклу. Он улыбнулся и поднял свой палец, прикладывая его к невидимому барьеру между нами. Он приближался к зданию, и, когда я смогла видеть только его макушку, он исчез из виду.

Я не понимала, насколько встревоженной была, когда потеряла его из поля зрения. Это был словно звук двигателя машины, который беспокоит тебя, пока машина не проедет. Моё сердце прекратило стучать, и боль исчезла. Карен обняла меня, потому что я приложила руку ко рту, чтобы сдержать слёзы.

— Всё в порядке, —сказала она, даже не зная, почему я сорвалась.

— Он не злится, —произнесла я. —Он до сих пор любит меня и он не злится.

Я бы сказала, что ничто не может уничтожить его любовь ко мне. Даже два удара ножом для чистки копыт в его грудь. Но, увидев его улыбку и палец, поднятый вверх, я поняла, что он сломлен сожалением. Когда тревога рассеялась, место, которое она занимала, наполнила радость. Я обняла Карен, и она одарила меня редким смехом.

— Я просто... —я начала говорить, но не смогла закончить. —Я даже могу вдохнуть без боли. Мне стоит привыкать к этому, —я плюхнулась на мягкую серую кушетку.

Карен осторожно села рядом со мной, чтобы не зацепить свою подставку.

— Тебе полегчало.

— Ага. Я чувствую, будто всё снова под контролем.

— Он сделал это одним взглядом?

— Это —мы.

— Может, теперь у тебя получится поспать.

— Нет. Просто пусть Уоррен достанет таблетки. Я заплачу ему, когда выберусь.

Карен отмахнулась от этой идеи.

— Он не хочет денег. У него их полно. Он попросит об одолжении или что-то типа того.

Ему просто нужны друзья. Он одинок.

— Ладно, — я вытянула шею, чтобы увидеть, как служащий ставит машину Дикона на парковочное место.

— Разве ты не побежишь вниз, чтобы увидеть его? —спросила Карен.

— Эллиот хотел встретиться с ним первым. Думаю, чтобы убедиться, что он меня не расстроит. Я имею в виду, теперь он точно меня не расстроит. Так что они составят расписание, и, Боже, это так замечательно.

Я откинулась на спинку кушетки, а Карен села прямо. Она выглядела уставшей и истощённой. Её борьба с едой заканчивалась плохо. Она говорила, что единственное время, когда она чувствует, что что-то контролирует, это когда она не ест. Её побеждал собственный отказ, и, когда она принимала пищу, она чувствовала неясность, нестабильность и отсутствие контроля.

Я многое знала о её жизни. Перед смертью Аманды у нас было много общего, помимом секса и наркотиков. Не еда заставила её чувствовать потерю контроля, и кто я такая, чтобы судить?

— Я бы хотела, чтобы у меня тоже был свой Дикон, —сказала она.

— Однажды он может появиться.

Я чувствовала себя королевой бала.

Глава 16

ЭЛЛИОТ

Нужно было ехать в Алондру, но мне предстояла встреча с Диконом. Френсис предложила провести встречу, и, к чёрту протокол, но я не верил её мотивам. Хотя по большей части после монолога Фионы о боли и удовольствии, я понял, что мной снова движет непрофессиональный интерес.

Он был не тем, чего я ожидал.

Я ожидал мешок с дерьмом в камуфляжных штанах. Я ожидал скверную козлиную бородку и лакированную машину. Прежде всего, после одного взгляда на него я ожидал задуматься, как ему удалось сделать рабыню из женщины, которая могла получить любого мужчину, стоило ей только пожелать.

Но он не был ни одной из этих вещей. Очевидно, что Дикон был богат. Пиджак сидел на нём, будто влитой, волосы уложены в консервативной манере. Он не брился день или два, но это было стильно. Он уверенно шагал. Я не смог увидеть, где находился служащий парковки, пока он был за оградой с кем-то ещё, но Дикон, казалось, чувствовал его присутствие. Он не волновался на его счёт, пока не приблизился настолько, чтобы передать ему ключи от машины. Дикон, казалось, сливался с миром вокруг себя, держался мирно и спокойно.

Я знал, что пациенты выглядывали из окна с восточной стороны, чтобы увидеть, кто приехал, и когда он поднял палец вверх, я знал, что он наверняка увидел её. С этим жестом

большая часть моего любопытства улеглась. На смену ему пришла другая эмоция.

— Мистер Брюс, — я представился, когда он приблизился к ресепшен. — Я — доктор Чепмэн.

— Приятно познакомиться.

Мы пожали руки. Он посмотрел мне в глаза. Два джентльмена, пытавшиеся защитить одну и ту же женщину, скорее всего, друг от друга.

Я провёл его в свой офис и жестом указал на стул. В последнюю миллисекунду я решил не садиться за стол, а сел в кресло рядом с ним.

— Я слышу акцент, — сказал я.

— Я вырос в Африке. На юге, — сказал он с чётким датским акцентом. Я мог сказать это по «к» в его произношении. — Вырос на ферме в ста восьмидесяти километрах от Квинстоуна.

— Я никогда там не был.

— В Квинстоуне?

— В Африке.

Он ухмыльнулся, и я почувствовал себя неотёсанным американцем.

— Как долго вы в Лос-Анжелесе? — спросил я.

— Несколько лет. Бизнес требует поездок каждые несколько месяцев. В основном, в ДРК (прим. перев. — Демократическая Республика Конго). Не дома.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Могу я спросить о вашем бизнесе?

— Я управляю фотоагентством. Работа фотожурналистов в горячих точках. Мы нанимаем фотографов, покупаем страховки для выкупа, отслеживаем журналистов, если они не отмечают, связываемся с посольствами, обсуждаем условия освобождения — такого рода вещи.

— Условия освобождения?

— Когда их похищают. Власть там бессильна так же, как и везде, — произнёс он холодным тоном, будто напоминая мне что-то, о чём я забыл.

— А, — сказал я. Это не входило в круг вопросов, но открывало нечто большее. Это была дыра, в которую другой человек должен был вылить информацию, и обычно это работало.

В случае Дикона Брюса случилось нечто другое.

— Как она?

— С прежней уверенностью могу сказать, что лучше. Она прибыла сбитая с толку. Ей объяснили, как нужно себя вести, и она справляется. Она всё ещё борется с тем, чтобы вспомнить события той ночи.

Он кивнул.

— Я предполагаю, вы помните? — спросил я.

— Я шёл и упал.

— Вы всегда такой неуклюжий?

— Такая координация у меня от матери. Датчанка, знаете? — он улыбнулся с сожалением, и я понял, что ничего от него не добьюсь. — Я переживаю за Фиону. Она не преступница. Дерзкая, конечно. И сильная. Очень сильная. Почти до невозможного. Она не переключится просто так. Я хочу, чтобы вы знали, что я хочу освободить её отсюда так же сильно, как и она, вероятно, хочет выбраться, но я не собираюсь давить ради этого. Если вы

думаете, что мой визит раньше времени станет причиной её стресса, вам стоит сказать об этом. Для меня не будет проблемой находиться подальше, пока она не будет готова.

— Я честно не знаю, когда она будет готова. И я побуду честным ещё на счет кое-чего.

— Пожалуйста.

— Меня тревожит то, что она на вас напала, потому что таила некую злость. Очевидно, была вспышка жестокости?

Он снова улыбнулся и сдвинулся в кресле на одну сторону, будто для удобства загоняя себя в угол. Он почти засмеялся.

Насмешка прожигала меня так же, как и факт того, что мне нужно было объясниться.

— Я не говорю о чём-то, связанным с согласованным...

— Это она сказала вам это?

— Я не могу объяснить больше. Она поступила с расколотым моляром и повреждением связок на запястье.

Он сжал губы и кивнул. Хотя я и чувствовал толику вины в нем, Дикон не выглядел защищающимся. Он был сожалееющим и грустным.

— У нас с Фионой были некоторые правила, и они были придуманы для поддержания безопасности, — ответил он. — Причинить ей боль за то, что она их нарушила, не кажется вам оправданием цели, не так ли?

— Так она на самом деле нарушила какое-то правило?

— Эти правила не случайные.

— Я понимаю.

— Уверен, что так и есть.

По его тону я мог сказать, что он был уверен, что я ничего не понимал, и он был прав. Я не понимал. Ничегошеньки.

— Фионе нужно направлять её энергию, — произнёс он. — То, что мы придумали, было одним из способов для этого.

— Что вы с этого получаете?

— Вы делаете мой психоанализ, доктор?

— Тяжело сопротивляться.

Он рассмеялся.

— Хорошо, — ответил Дикон, усаживаясь ровно в своём кресле. — За вашу честность я сделаю вам подарок. Фермы в Южной Африке настолько отдалены друг от друга, что, когда я был моложе, у нас было много привилегий. Нам никогда не приходило в голову защищать их. Пока, конечно, ситуация в моей стране не изменилась. Было слишком много безработных молодых людей, чтобы правительство с ними разбиралось, и эти молодые люди... они злились. Злились на семьи с деньгами и землёй. Так что они собирались в группы, шли в фермерские дома и брали всё, что хотели. Обычно фермеры были вооружены. У моего отца тоже было оружие, но он был мирным человеком. Он выстрелил лишь в ногу одному из тех семерых людей, которые пришли в его дом. За свою доброту он поплатился жизнью. Моего брата заперли в подвале, пока над моей матерью и сестрой жестоко издевались. Наши рабочие... людей избивали до крови. Двое умерло. Я вырос с этими людьми. Они были моими друзьями.

— Вы были там?

— Я был в Квинстоуне по делам, и один из рабочих мастеров пришёл утром и рассказал мне. Он был весь в крови. К тому времени, когда я туда добрался, было слишком поздно.

На мгновение он устоял в пространстве.

Я не прерывал его сотнями вопросов, которые кипели в моей голове.

— То, что случилось сразу после — неважно, — ответил он. — Но я серьёзен в намерении защитить то, что моё, — он улыбнулся, и его улыбка закончила дискуссию. Дикон был очень проницательным, и очень хорошо знал об этом.

Ожидать от него дальнейшего рассказа было пустой тратой времени. Я уже опаздывал на встречу в Алондре. Дальнейшая беседа заставит меня пропустить назначенное время.

Но кого я обманывал? Конечно, мне нужно было выбираться отсюда, ведь я уже оценил был ли он угрозой для неё. Тем, что было на поверхности моего разума, тем, что заставило реагировать способами, которых я не понимал, было то, что он любил её. Я не мог притвориться, что понимаю, как работают их отношения, но, когда он произнёс её имя и спросил о ней, он посмотрел на меня, будто решая, кто я в её жизни. Уровень его заботы о ней уходил глубже, чем я мог осознать.

— Позвольте мне поговорить с Фионой, — сказал я, вставая. — Тогда я снова свяжусь с вами.

— Спасибо за обдуманый шаг.

Когда мы встали, я увидел, как он замедлился, когда сместил свой вес. Его ударили в грудь две недели назад широким толстым лезвием, а он не показал никаких признаков повреждения до этого момента. Даже сейчас этот симптом был таким слабым, что, не будучи опытным врачом, вы бы не заметили его.

— По правилам, вам запретят всё, — сказал я. — И, простите, но за вами будут наблюдать.

— Конечно. Не хотел бы, чтоб она повредила ещё один моляр.

Дикон не казался тем типом людей, которые шутят над чем-то, но он только что это сделал, послав холод по моему позвоночнику.

Глава 17.

ФИОНА

Я пропустила ланч, чтобы остаться у окна. Карен спустилась, чтобы посидеть перед тарелкой, полной еды, потому что ей нужно было, но мне таких рекомендаций никто не давал. Я могла пялиться в серое зимнее небо и ждать.

Дикон был для меня всем. Какое грустное стечение обстоятельств, когда кто-то с идеально функционирующим мозгом, названный в третьем классе «одаренным», должен позволить своей жизни вращаться вокруг мужчины ради её благоразумия. Не заслуживающего доверия мужчины, взявшего на себя слишком много обязательств. Хуже копа или врача. Было время, когда он не мог быть рядом, но я была плохо подготовлена, чтобы справиться с этим. Это была моя вина, не так ли? Сильная женщина должна быть способна справиться с его отсутствием, а не трахаться направо и налево, не злить его и не нарушать единственное правило.

Но какой другой мужчина смирится с моими потребностями? Кто ещё согласился бы с ними вместо того, чтобы бороться? Какой другой человек поможет мне функционировать,

как это делал он?

Цель — как только я отсюда выберусь — была: или выбросить Дикона из своей жизни, или убедиться в том, что он не будет постоянно покидать Лос-Анжелес. Или что-то между этими двумя невозможными полюсами.

Я поёрзала в кресле. Боль в моём правом запястье перетекла ко внутренней части локтя. Я слишком долго на него опиралась. Когда Дикон прижал его к стене, было больно.

Но в день, когда он показал мне как держать руки для связывания, он сказал, что больно не будет. Только позже я поняла, что повредила его, так что мне стоило больше думать о том, где должны быть веревки, когда я уходила в подсознание.

Он связывал меня в тот раз после своего возвращения. В последний раз. Простое ничтожное связывание во время прелюдии, и я поморщилась, когда он потянул мою руку.

Это было против правил. Если бы он повредил мою руку тогда, когда прижал её, она начала бы болеть только позже.

Я потёрла руку. Она может никогда не исцелиться. Дикон серьёзно относился к моим запястьям. Прижал бы он меня к стене, даже будучи в ярости? Удерживал ли он мою руку достаточно долго, чтобы повредить?

Каша из вопросов сбивала меня с толку, но когда я окунулась в воспоминание о том, что случилось, всё стало ясно.

* * *

Его дыхание падает на мою щёку, и боль в руке бежит от моего запястья к чувствительной стороне моего бицепса.

— Ты не позволишь кому-либо ещё связывать тебя, — произносит он глубоким гортанным голосом. Он голый, потрясающий. Прижимает меня к стене, и трение оголенной кожи на моей заднице заставляет кричать.

Сожаление. Фунты сожаления. На мили в ширину. Сожаление, которое тянется в глубину моего разбитого духа.

— Мне жаль, — и это правда. Я опустошена и мне стыдно.

— Почему?

Моё запястье болит. Он так сильно придавливает его к стене, будто я уйду, будто отвернусь к нему спиной. Тем не менее, я хочу уйти, убежать, показать ему, что я могу бросить его так же, как он бросает меня.

Я ёрзаю, но он только давит сильнее и требует:

— Почему?

— Отвали от меня!

— Скажи мне, почему! — его глаза становятся шире, виднеются зубы, будто он хочет впиться мне в горло. — Почему?

— Мне это нужно! — слова слетают прежде, чем я думаю, и для него они словно яд.

Я не ожидаю, но он хватает меня за челюсть, и я чувствую боль там, где его пальцы впиваются в меня. Он смотрит, врезаюсь в меня своим взглядом, и мне хочется превратиться в почерневшую иссушенную головешку.

Он отпускает меня, и я падаю на пол.

* * *

Я чуть не пропустила, как Дикон выходил из здания. Служащий стоянки передал ему ключи, и он взял их, не отводя глаз от окна. Он выглядел обеспокоенным. Я не знала, мог ли он видеть меня, так как я откинулась в кресле, думая о последнем разе, когда мы оба были голые.

Он стоял неподвижно, глядя на меня. Он не покинул бы стоянку, пока я не позволила бы. Это было написано на его лице и об этом говорила его поза. Я наклонилась вперёд и приложила палец к стеклу. Увидев меня, он улыбнулся и поднял палец вверх.

Он нуждался во мне.

Глава

18.

ЭЛЛИОТ

Раньше я был счастлив в Алондре.

Может быть, я был странным, когда думал об этом таким образом. Невозможно было объяснить, как работа с такими проблемными людьми заставляла меня чувствовать удовольствие, но маленькие победы выглядели такими большими. Тогда я пошёл в Вестонвуд, и ликвидировал чувство, словно маленькие победы весили столько же, независимо от того, кто был пациентом. Я чувствовал, будто в мире было слишком много боли, чтобы её можно было унять.

После того, как я покинул Вестонвуд, а затем снова туда вернулся, мне хотелось не быть нигде и быть везде одновременно. Моё недовольство расцвело в саду тоски и бессилия.

Я оставил свой сан священника в Алондре и спрятал колоратку. Я оставил сан из-за садистской пытки над единственным Божьим сыном, и последующей пытки миллионов людей, ибо в чём был смысл спасения, если вы всё ещё существовали по прихоти Бога и человека? Какой смысл был в вере, если вы по-прежнему подвержены страданиям? Я понимал всю теологию, но не понимал, почему должен был подстраиваться под это. Я принял идею того, что Бог — сострадательный наблюдатель, целитель и сила. Всё это было хорошими гипотезами. Но зачем опираться на них как на партнера? Зачем становиться оратором?

Мой наставник и человек старой закалки, который в своей жизни не написал ни единой проповеди, сказал, что я боялся носить колоратку, и, хотя сказал он это любезно, как будто это было совершенно нормально, я выбежал из офиса.

Конечно же, он был прав. В шаге от того, чтобы стать божьим человеком — обязательство, которое я всегда хотел исполнить — и я сбежал... трус. У меня не было никакого оправдания, кроме страха и нежелания бороться с ним.

Я высыхал после душа, обдумывая в голове свой день. Терапия, затем сеанс в Алондре, бумажная работа, а также быстрая встреча в Вестонвуде с целью обсудить график. Я не мог делать этого долго. Не мог держаться на двух работах. Разъезды туда-сюда ужасали. Алондра должна была уйти, и Вестонвуд должен был уйти, но они были мне нужны. Всё, что я делал, я делал по неправильным причинам. Я доказывал Джане, что мог делать всё, что я хотел,

будучи в Алондре, и я бы уголял некоторый неопределённый голод, будучи в Вестонвуде. Я до сих пор не знал, чего хотел.

Джана вошла в ванную, её длинные волосы были спутаны после сна, соски торчали под её пижамой с рисунками котят на облаках.

— Ты закончил?

— Как раз собираюсь.

— Ты собираешься в то место сегодня?

— То место? Да, — я повесил полотенце и встал перед ней голый.

— С тех пор, как ты вернулся в Алондру, отец снова беспокоится о бандах, — она повернулась к зеркалу. — Он хочет, чтобы мы установили сигнализацию.

— Нет, — я убрал волосы с её шеи.

— Он заплатит за неё.

— Я не буду жить в клетке, — я поцеловал её в затылок.

Она повела плечами.

— Это не клетка, — Джана провела пальцами по волосам. — Есть очень маленькие кнопки. Можно установить одну для уведомления полиции. Здесь она не издаст и звука.

Её запястье выглядело настолько тонким, выглядывая из-под рукава пижамы, таким уязвимым, с маленькой золотой цепочкой на нём. Ничто не было более женственным, чем её запястье. Переводя взгляд между её открытым горлом и браслетом, я полностью возбуждился.

Стоя позади неё, я обхватил пальцами запястье и потянул руку вниз. Я прошептал:

— Я не хочу сигнализацию.

Я толкнулся в неё членом и прижал запястье к нижней части спины. Она попыталась вырваться, но я не ослабил хватку. Её сопротивление послало волну давления между моих ног, и в голову пришло кое-что ещё. Что-то, чего не должно было быть там, пока я пытался соблазнить Джану.

— Я её хочу, — ответила она.

Она говорила о дурацкой системе сигнализации? Мне было плевать. В моей голове были лишь розовые ягодицы и паддлы, связанные запястья и мольба.

— Ты её получишь, — я склонился перед тщеславием.

— Эллиот, на самом деле...

Я удерживал её за запястья одной рукой и дёрнул пижамные штаны вниз другой. Её задница — незапятнанная, круглая, совершенно мягкая в моей руке — выгнулась, когда я схватился за неё.

— Ауч. Мне нужно идти на работу. Что ты делаешь?

Она извивалась подо мной, но я удержал её.

— Нечто другое. Расскажи, что ты чувствуешь при этом, — я ударил по её заднице. — Позже.

— Эллиот!

Я снова ударил её. Звук и вид розовых отпечатков пальцев на её мягкой коже заставили мой член пульсировать на её плоти.

— Я в Вестонвуде. Ты должна быть счастлива, — ещё один удар.

Она завизжала.

— Что ты...?

Шлепок.

— Я собираюсь трахнуть тебя.

Она оглянулась на меня, как будто проверяя, был ли я тем человеком, с которым она жила. Я не мог больше сдерживаться, иначе просто кончу на её спину. Я прижался к ней членом. Она была влажной. Очень влажной. И она не сказала мне остановиться.

Я толкнулся в неё и вывернул руку ей за спину, прижимая Джану к раковине, когда почувствовал, что она содрогается. Её рот приоткрылся. Щёки покраснели, когда я двигался внутри неё. Боже, она никогда не чувствовалась такой тугой. Когда я снова ударил её по заднице, она сжалась вокруг меня.

Я склонился над ней, отпуская запястье, когда прильнул своим телом к её.

— Ты становишься тугой, когда я шлепаю тебя. Ты знаешь это?

Я немного отодвинул её от раковины и опустил пальцы на её клитор. Я никогда не обращался с ней так грубо, и мне хотелось большего. Я хотел укубить её за плечо. Хотел вытащить член, дотащить её до кровати и в течение часа сводить её с ума. Хотел связать её и отпроситься с работы, сказав, что я заболел. Хотел контролировать её тело так, как никогда и ничего не хотел раньше.

Но она бы не захотела. Не эта девушка. Не в это время. Ей надо было на работу. Надо было спорить. Надо было говорить о страхе.

Я дразнил её клитор. Она перестала отстраняться.

— Я не стану устанавливать сигнализацию, и буду работать там, где я хочу, — сказал я. — В следующий раз, когда ты что-либо предложишь, я привяжу тебя к кровати, задрав ноги в воздух, и буду шлепать тебя и дразнить своим языком, пока ты не уяснишь, кто здесь главный. Ты понимаешь?

— Нет, — но правда была в её стоне, а не ответе.

— Тогда позволь мне стать более понятным, — я похоронил себя в ней, вытащил, и с силой вошёл обратно.

Она сжалась и застонала, кончая, хватая воздух ртом и издавая протяжной звук, напрягаясь подо мной. Я потерял контроль над своим собственным воображением, которое, по некоторым причинам, было зациклено на Фионе, сидящей в дневном свете, двигающей пальцем по блокноту на моём столе. Несексуальный покррой её рубашки придал её соскам ещё большей выпуклости, губы были изогнуты над зубами в полуулыбке.

Я позволил себе хотеть эти соски. Позволил себе трахнуть её рот. Позволил себе представить её подо мной, пока рыжие волосы были рассыпаны на подушке, а запястья привязаны над головой.

Я кончил так жёстко, что думал, моё тело расширилось до размеров комнаты, пульсировало против стен, вешалки для полотенец и задницы, прижатой ко мне. Я упал на Джану — мою девушку, в отношениях с которой я находился уже два года — и поцеловал мягкую кожу на её шее.

Когда она заговорила, она сделала это тихо. Не обиженно или расстроено, просто безразлично.

— Слезь с меня.

* * *

Джана приняла душ сразу после случившегося. Она оставалась там достаточно долго для того, чтобы сделать невозможным для меня видеть её до моего отъезда.

Так что я уехал.

Когда мне было десять лет, я просыпался от кошмара и на цыпочках шёл в комнату родителей. Мы только что переехали в Менло-Парк из Фресно, и я боялся всего. Своей матери, которая, казалось, была всё более и более замкнутой. Своей сестры, у которой появлялась грудь и изгибы, и которая менялась таким образом, что это заставляло меня чувствовать потерю в ней друга и страх перед появлением нового существа, которое я не понимал. Хотя, мой отец оставался прежним. Большим, чем жизнь. Тем, кто никогда не спорил и не повышал голос. Он был львом, чья власть была в его походке и манере держать себя. В конце концов, я выглядел как он, но я знал, что мне не завладеть силой, которой обладал он.

В ночь, когда мне приснилось, что через край унитаза выливаются фекалии, я побежал в комнату мамы и папы. Я увидел их. Мать, сидящую сверху на отце в простынях, и его, берущего её сзади, словно животное. Эти звуки. Господи, взрослый человек во мне должен был рассмеяться. Я сотни раз прошёл через воспоминание того, как он держал руки на её горле. То, как он ударял по её заднице. Мою мать, стонущую.

Я бежал обратно в свою комнату, будто ужас снаружи был больше, чем ужас внутри меня, и сворачивался клубочком, пытаюсь притвориться, что моей эрекции не существовало. Разве я искал Господа не по той же причине, по которой закрывал глаза в ту ночь? Разве не для того, чтобы искупать свой разум и душу в свете и добре?

Прямо в своей ванной я просто прокручивал всю эту сцену, удар за ударом. Зачем? Затем, что была Фиона Дрейзен и её кокетливые кусочки грязных разговоров. Я хотел злиться на неё за это, но не мог. Я знал лучше. Дело было не в ней. Дело было во мне.

Я не был уверен, что мог бы оставаться терапевтом Фионы, и я был уверен, что не мог остановиться. У неё были проблемы с несдержанностью, и мой уход в первый раз стал спусковым механизмом для этого. Если оставить её снова, это лишь вернет её мысли о том, что она никому не нужна.

Тем не менее, мои сексуальные фантазии о ней влияли на мою жизнь, и тот факт, что я видел её каждый день, лишь напоминал мне, что я хотел её. Я всё время думал, *всего лишь раз*, и, возможно, *после того, как она выйдет*, но ничего не помогало.

Я продолжал представлять её тело, переплетенное с моим, её розовую попку, её добровольное подчинение, её маленькие сиськи под моими ладонями. Я хотел попробовать её. Я думал об этом, когда садился в машину. Всякий раз, когда я заходил в душ. Она была как призрак, нависший надо мной.

— Контрперенос касается не пациента, — сказала Ли.

— Я могу почитать учебник в любое время.

— Ты враждебно настроен. Так же хорошо, как и я, ты знаешь, что должен посмотреть на свою собственную жизнь и решить, какие потребности в ней не удовлетворяются, и какие в твоём воображении может заполнить она.

— Я встречался с её партнёром. Он интересный парень. Вырос в Южной Африке. Думаю, что я дважды побывал за пределами Соединённых Штатов.

— Ты говоришь о нём, как он конкуренте. Она не трофей. Она — пациент.

Мои занятия с Ли перешли из ворчливых, приятных и немного раздражающих в крайне неудобные. Я хотел сбежать, но, как и любой хороший терапевт, я встал над своим дискомфортом и наблюдал за ним.

— Я просто хочу что-то почувствовать без постоянного размышления над этим, — сказал я.

— Это не твоя работа, — сказала она. — Должна сказать, ты начинаешь меня беспокоить. Это опасная территория. Желать исследовать такие чувства без надлежащего внимания? Да ладно. Что происходит с Джаной?

Я не хотел описывать наш последующий трах. Я слишком запутался в чувствах и фантазиях, и следующие двадцать минут Ли захочет провести, распутывая меня. Что имело значение, так это то, *почему* у меня были эти чувства и фантазии. Что имело значение, так это наши отношения до того, как Фиона Дрейзен вошла в мой кабинет.

— Я думаю, что самым худшим, что я когда-либо делал, было то, что я ставил крест на том, что она хотела, и работа в Вестонвуде. Я выношу тонны негодования. И давление не прекратилось: Джана просто сменила его на нечто другое. Я имею в виду, можно подумать, что мы были совместимы. Я переживаю. Я справляюсь, будучи организованным. Она переживает. Она справляется, будучи организованной. Но это оглушает. Я считаю, что именно я пытаюсь разрушить систему, но я не силен в хаосе.

— Тогда твоя проблема связана с твоей собственной жизнью. Пожалуйста, я прошу тебя, не ставь под угрозу свою карьеру, сбиваясь с толку перенаправленными чувствами к пациенту.

Глава 19.

ФИОНА

— Вы кажетесь другим, — сказала я.

Эллиот ухмыльнулся из-за стола. Он, правда, казался другим. Может быть, он сидел немного ровнее, или нервничал, или был более расслабленным. Я не могла разобрать.

— Я такой же, — ответил он. — Может быть, ты изменилась.

Я пожала плечами.

— Конечно. Я думаю, именно поэтому я здесь.

— Я полагаю, ты видела, что Дикон приходил вчера?

— Да.

— И? — Он улыбнулся. — Ты знаешь, что я собираюсь спросить.

— Что я чувствую по этому поводу? Хорошо. Отлично. Когда я смогу увидеть его?

— Сначала я хочу поговорить о твоих травмах. Твоём зубе и запястье.

— Я не думаю, что воспоминание настоящее, — выпалила я. — Вы сказали, что я могла создать ложные воспоминания под гипнозом, и я думаю, что сделала это. Вы говорили, что выдуманные вещи всегда благоприятствуют вспоминающему, и я считаю, что, как бы я ни получила травму, я делала то, что не должна была делать. Например, что-то очень плохое. Так что я выдумала другое воспоминание.

— Это просто указывает на то, что ты его боишься.

Я опустила немного глубже в кресле. В некотором смысле я боялась Дикона. Я была в ужасе от того, что он оставит меня, и я сойду с ума без него. И каким образом это замечание имеет отношение к растущей несбыточной мечте стать нормальной? Я с трудом слотнула. Я не хотела даже думать об этом, не то, что говорить.

Эллиот наклонился вперёд.

— Вот моя проблема. Моя работа состоит в том, чтобы убедиться, что ты в

безопасности, пока находишься здесь. Мне очень трудно позволить тебе увидеться с ним, если я буду считать, что он причинил тебе боль, или что он снова это сделает. Если я подумаю, что он имеет какой-то нездоровый контроль над тобой и что это повлияет на твоё лечение, я не смогу допустить этого.

— Что я должна обещать?

— Я возьму твоего первенца.

Колкость была последним, чего я ожидала, но это было именно то, в чём я нуждалась. Я склонила лоб на колени и застонала.

— Забирайте. Я всё равно не хочу детей.

— Договорились, — сказал он.

Я вскинула голову от удивления.

— Завтра утром.

— О, Боже мой, — сказала я, — я могу вас поцеловать?

— Нет, — Эллиот встал.

Я тоже встала и посмотрела вниз на свой бледно-голубой костюм психопатки.

— Блядь.

— Что?

— Он должен увидеть меня такой? Я имею в виду, достаточно плохо, что я вообще здесь, но я похожа на дворника.

Он окинул меня взглядом с головы до ног, будто я была женщиной с настоящими изгибами под одеждой, затем отвёл взгляд от меня и посмотрел на свою руку на дверной ручке. Я притворилась, что представила себе секс в его взгляде.

— Хорошо, — сказал он, открывая дверь. — Посмотрим, можем ли мы организовать какую-нибудь нормальную одежду для тебя.

Глава 20.

ЭЛЛИОТ

Моё убеждение в том, что Дикон не навредит Фионе, было основано только на интуиции. Он, может, и имел какой-то нездоровый контроль над ней, но я не думаю, что он являлся непосредственной угрозой. Я боялся, что не позволю им увидеться из-за того, что хочу её для себя. После моего сеанса с Ли я мог бы, по крайней мере, пустить эти мысли в свой разум.

Я хотел её.

Я не мог ни черта с этим поделать, но я называл это тем, чем это являлось. Я хотел бы посмотреть этому в лицо и сказать осознанное «нет». Я хотел бы её до тех пор, пока она не перестала бы быть моим пациентом, затем я бы забыл её и остался с Джаной, будто никогда и не встречал красивую, яркую, испорченную наследницу.

— Алло? — голос Джаны послышался в телефоне, хриплый и напряжённый.

Было темно, когда я выехал на шоссе, а позвонить ей было ещё одной глупой затеей. Может быть, я чувствовал себя немного самоубийцей.

— Я опоздаю.

— На сколько?

— Нужно выполнить поручение.

— Спасибо, что сказал мне. Эм, ты можешь прийти завтра, чтобы встретиться с Мэри?

Им действительно нужно нанять кого-то.

Должность школьного психолога. Я так и не выслал ей обновлённое резюме, но Джана, должно быть, уладила это.

— Я работаю в Вестонвуде утром, — сказал я.

— В Алондру тебе только к двум. Может быть, ты смог бы втиснуться в это время? Подумай, как бы здорово было работать вместе. Мы могли бы обедать каждый день в комнате отдыха. Было бы похоже на отпуск.

Я изменил полосу движения, давая себе секунду подумать, но у меня не было никакого выхода. Школа была третьим вариантом, который всё решал.

— Конечно. Полдень подойдёт. Спасибо.

— Ладно, скоро увидимся.

— Ладно.

— Я люблю тебя, — сказала она.

— Я тоже люблю тебя.

Я повесил трубку.

* * *

Во всём Лос-Анджелесе была только одна Манди Стрит. Будучи длиной в квартал, она располагалась на холмах над каньоном Бичвуд. Я поднялся по замысловатому склону, вернулся назад и обогнул его, увидев фары встречного транспорта всего лишь за несколько секунд до того, как автомобиль приблизился достаточно для столкновения. Справа от меня пейзаж простирался всё дальше и дальше, а город лежал под пледом огней.

На Манди Стрит было три дома, и все за железными воротами. Я остановил машину перед ними, мои фары освещали дома и деревья. Все они были по левую сторону. Ближайший дом был самым маленьким, и свет в нём не горел. Это был номер три. Дом в центре был освещён несколькими фонарями. Дом позади имел огромные двойные двери и крюки на фасадной стороне.

Интерком и клавиатура были встроены в ворота, но свет фар дал знать обитателям среднего дома о моём присутствии. Худая азиатка в китайской одежде шла вниз по склону. Когда она подошла ближе, я понял, что её едва ли можно назвать женщиной. Она только начала взрослеть.

— Привет, — сказал я. — Вы, должно быть, Дебби.

— Да. Доктор Чепмэн? — Она сместила сумку на предплечье и нажала на цифры с её стороны ворот. Я услышал *клик*, и она толкнула ворота.

— Приятно познакомиться, — сказал я.

— Как она? Вам разрешено рассказывать? — спросила Дебби.

— Лучше. Спасибо за одежду.

Улыбаясь, Дебби вручила мне сумку.

— Я упаковала ей кое-что удобное. Если ей не понравится обувь, она может пожаловаться позже.

Мне очень хотелось открыть сумку и посмотреть, о какой обуви она говорила, но я пока

не хотел уезжать.

— У вас есть минутка?

Она осмотрела меня сверху донизу, как будто оценивая опасность, которую я мог представлять, и распахнула ворота шире.

— Проезжайте. Я буду через секунду.

Дебби пошла к небольшому дому в центре. Я вернулся к своей машине, чтобы проехать. Когда я оказался внутри, ворота закрылись автоматически. Я вышел из авто. Дверь в маленький дом всё ещё была закрыта, но он оказался не таким маленьким, как я думал. Была видна только крыша, остальная часть скрывалась за холмом.

Я подошёл к последнему зданию. Фасадные окна были закрыты изнутри. Крюки, которые я видел, были ниже, чем я ожидал. Крюки для растений, как правило, устанавливали над дверным проёмом, но эти были примерно в двух метрах над землей, и больше похожи на обручи, чем на крюки. Под ними были небольшие U-образные петли, которые выглядели больше функционально, чем декоративно.

Это был дом номер один на Манди Стрит. Конечно, я должен был оставить его в покое. Я должен был в принципе отпустить образ Фионы, поскольку он был угнетающим от её эмоций. Но я не мог удержаться, чтобы не обойти вокруг дома.

Окна на боковой стороне дома были небрежно зашторены. Манди была частной улицей, так что я мог понять, почему они не запечатали всё вокруг.

Я увидел огромную комнату с окном от пола до потолка, открывающим вид на гору. Внутри деревянные кресты в форме «X», обтянутые грубой стёганой тканью и привинченные к стенам. Там стоял ряд стульев, которые нельзя было назвать стульями. Они были отделаны подушками таким образом, что я не мог понять их назначение, пока не представил себе человеческие тела на них — на корточках, на коленях, с раздвинутыми ногами или распростёртыми руками, связанными за спиной или над головой, скованные с другим телом. Их функция стала понятна. Столы для наблюдателей только отмечали тот факт, что вид из окна открывался на Лос-Анджелес, если кому-то хотелось посмотреть.

Было ли это безопасно для Фионы с её магнитом на папарацци? Почему не было фотографий её, привязанной к U-образным матрасам и деревянным крестам? Кричащей, влажной, со стекающей спермой и розовой от шлёпанья кожей, просящей больше, больше и больше?

— Это большое окно — одностороннее, — сказала Дебби позади меня. — Вы можете увидеть, но никто не может видеть вас.

Я вскочил, как будто она поймала меня за траханьем.

— Это первое, что все спрашивают, — продолжала она. — Вы представляете, что вас видят, но вы в безопасности. Это должно быть безопасным, или ничего не выйдет.

— Рад слышать, — сказал я.

— Очевидно, что боковые окна — двусторонние, но покрытие уплотняется на внутренней стороне, когда дом используют, — она улыбнулась, сложив руки перед собой. — Проходите, — Дебби сделала шаг в сторону, чтобы я мог пройти по каменной дорожке к центру дома.

Центральный дом был ошеломляющим, если не сказать больше. Два этажа, скромный бассейн, большие окна и балкон, на котором я сел на диван, оценив его ширину. Внутренняя площадка выходила к дворику, окружённому террасами других домов, огнями города и чёрным океаном. На одной из террас, в точечном искусственном освещении, танцевала

стройная фигура, от чего её длинные прямые волосы развевались в воздухе. Нет, она не танцевала. Она занималась каким-то боевым искусством.

Позади меня зажёгся внутренний свет, который упал на фигуру. Я увидел голую грудь и свободные чёрные штаны. Танцор был мужчиной, и он занимался с мечом. Он двигал им с изяществом и красотой, как гимнаст с лентой. Я не мог видеть достаточно хорошо, чтобы сказать больше, но его практика гипнотизировала.

Дебби пододвинула поднос с чаем.

— Вам не стоило, — начал я.

— Он уже настаивался, — она села напротив меня на плетёном стуле с металлическими ножками и сжала ноги вместе, пока наливала чай.

— Отсюда фантастический вид, — сказал я.

— Да. Я принимаю это как должное, но всякий раз, когда приходит кто-то новый, мне об этом напоминают.

— Вы живете здесь одна?

— С ещё одним студентом, Мартином. Средний дом только для работы, а в последнем доме живёт мастер шибари. — Она произнесла «мастер» с благоговением, которым я восхитился.

— Дикон.

— Да.

— А Фиона?

— И да, и нет. Она здесь, когда он здесь. Когда его нет, то и её нет.

— Могу я спросить, почему?

— Вы можете спросить, — она пригубила чай, не выдавая ничего, как бы говоря мне, что я мог спрашивать, но мне лучше быть готовым услышать то, что мне не понравится.

— Это Мартин там? — спросил я, имея в виду человека внизу.

— Нет. Джунто — мой. Мартин был отправлен как раз перед Рождеством. Он не вернулся с тех пор.

— Мартин был в Лос-Анджелесе за несколько дней до того, как Фиона пошла в конюшню?

— Да, а что?

Я покачал головой. Я не знал, почему это раздражало, но это раздражало.

— Я думал, что он уехал. Я не знаю, почему это важно. Вероятно, не имеет значения.

Но это было важно, потому что Фиона упомянула это во время сеанса.

«Даже если бы я была под таким кайфом, что позволила им связывать меня, ну, Дебби не слушалась бы, а Мартин был в Нью-Йорке».

Фиона вспомнила о том, что была связана, пока Дикон был в отъезде, и понятия не имела, кто это сделал. Но по тому, что я мог видеть, если Мартин был в городе, он и был тем, кто связывал её.

— Я рассказала всё это полиции, — сказала Дебби. — Я знала, что что-то случилось в ту ночь. Я могла сказать. Фиона выбежала из дома с сумкой. Я остановила её и спросила, что случилось. Она плакала. Сказала, что собиралась к Снежку. Когда я увидела мастера Дикона позже, я спросила его, что это значит. Он пошёл забрать её, — она остановилась и посмотрела на Джунто, как будто складывая кусочки пазла у себя в голове. — Мастер Дикон сказал мне, что я не должна чувствовать себя ответственной за то, что произошло. Но иногда я чувствую.

— Любой сделал бы то, что сделали вы.

— Вы заботитесь о ней, — произнесла Дебби.

Я чуть не подавился чаем. Она посмотрела на меня искоса, и её взгляд стал пронзительным. Я чувствовал, будто меня разрезают на кусочки и изучают.

— Она — моя пациентка. Так что да, я действительно забочусь, — я был уверен, что она видела меня насквозь. — Как насчёт вас?

— Фиона — один из немногих друзей, которые у меня появились после моего приезда сюда. Она очень верная, очень сильная. Когда я попала сюда, у меня не было ничего. Дикон вытащил меня из ада, потому что он увидел что-то во мне. И Фиона была рядом, убеждаясь, что у меня было всё, что нужно. Она представила меня важным людям. Они красивая пара.

— Что же он увидел?

— Я — доминатрикс.

— Оу.

— И хорошо справляюсь с узлами, — она улыбнулась над краем своей чашки, по-прежнему рассекая меня взглядом.

— Мне говорили, что вы очень талантливы.

— У меня есть навык к определённым вещам. Самые сложные связывания требуют множество верёвок. Любой человек может связать две, но связать три, от промежности к плечам... Трудно заставить их гармонировать. Трудно сделать узлы сильными так, чтобы все были одинаковыми. Но я училась у лучших, — она поставила чашку и сменила тему и позу. — Вы для всех своих пациентов ищете одежду?

— Как правило, нет, но я хотел увидеть это место. Её жизнь здесь является частью того, кто она есть, а я не мог представить этого. Это было помехой для меня. Я не могу понять рутину.

— Вам любопытно?

— Не совсем.

— Я могу вам дать приглашение на приём.

— Нет, — я не мог ещё больше пересечь эту линию. Это полностью уничтожит доверие Фионы ко мне.

— Точно? — она, очевидно, не поверила мне.

— Точно. Я здесь, чтобы узнать о Фионе.

Она вздохнула.

— Я предам доверие, если скажу то, что все уже знают? Это в новостях каждую ночь. Публика питается ею, словно стервятники внутренностями. И у неё нет воспитания, чтобы восстать против них. Не за что уцепиться

— Она получила очень традиционное воспитание, — сказал я. — Её семья — религиозна. У неё семь сестёр и брат, на которых можно положиться.

— Её мать — суррогат из проволочной сетки.

Я откинулся на спинку стула, уделяя внимание своему чаю. Она имеет в виду исследование, в котором идёт ссылка на отнятие новорожденных обезьянок от своих матерей и помещение их к «суррогатной матери» из проволочной сетки и махрового полотенца, у которой был сосок с вытекающим из него обезьяньим молоком.

— Вы имеете в виду эксперименты Гарри Харлоу?

— Я точно не помню имя врача. Но я видела фильм о том, как обезьянки цеплялись за «проволочную мать» и кусали друг друга. Почти все они, в той или иной форме, были

сексуально девиантными. На это было тяжело смотреть.

— Это исследование показало, что у новорожденного без привязанности к взрослому существует больше шансов стать импульсивным и жестоким, — сказал я. Эксперименты были бесчеловечными и ужасающими. Человеческие младенцы редко сталкиваются с таким уровнем отдалённости от любви взрослых. Но точка зрения была доказана: «суррогатная мать» вредит детёнышам.

— И в чём ваша теория о том, как это связано с Фионой? — я спрятал напряжение в моём голосе. Я всегда считал Фиону тем, кто может решить проблему. Дебби, по-видимому, думала иначе.

Она сложила руки на коленях, спокойно рассматривая меня.

— Младенцы не имели материнского тепла, но им предоставляли все другие удобства и удовлетворяли потребности. Даже больше, чем им было нужно. Что происходит, когда ребёнку такого «проволочного суррогата» потакает во всём, а затем ему приходится иметь дело со слабейшей болью? Разрывает ли их боль? Или они уже сломаны от удовольствия?

Я прислонился к перилам и посмотрел на город. Человек с мечом прекратил свой танец. Он сидел, скрестив ноги, смотря в том же направлении, что и я, а его руки были сложены в молитве.

— Когда она смотрит на мир, она видит только себя, — продолжила Дебби. — У неё есть большая семья с «проволочными родителями». Такие дети являются отродьем богатых сирот. Тот факт, что она может восполнить свою человечность, мне нравится.

Я почувствовал трение своего среднего пальца по моей верхней губе, прежде чем даже понял, что я потираю её. Я опустил руку вниз. Эта привычка заводила шестерёнки у меня в мозгу независимо от того, насколько мне это не нравилось. Её родители до сих пор не пришли к ней, чтобы рассказать о её брате. Они сбросили это на детей, чтобы те разобрались между собой. Так было всегда? Было что-то ещё, что сломало её? Должно было быть что-то ещё?

У каждого есть ковш, который может уместить в себя определённое количество боли. Некоторые ковши больше, чем другие, и все по-разному справляются с переполнением. Имело ли значение, что ковш Фионы медленно, капля за каплей наполнялся на протяжении многих лет, будто бы ей не дали инструментов для того, чтобы перекрыть вливание?

— Люди настолько сложны в своей простоте, — моё общее заявление не выдало никаких секретов, но, возможно, всё элементарно. Или нет. У меня было достаточно мыслей, чтобы их обдумать.

— Я рада, что вы зашли, — Дебби аккуратно поставила свою чашку обратно на поднос. — Было очень приятно встретиться с человеком, который помогает Фионе. Она хороший человек с добрым сердцем.

Я встал.

— Мне тоже было приятно познакомиться.

Мы пожали друг другу руки, и я ушёл. Я бросил сумку с одеждой на пассажирское сиденье, и был уже на полпути вниз по склону, когда понял, что не мог больше терпеть. Я должен был знать, что она упаковала, и что она ожидала, что Фиона будет носить.

Молния на сумке завизжала, когда я открыл её. Обувь была в отдельном зашнурованном мешочке. Это были белые кроссовки на липучке, простые и незамысловатые. Было ли это неправильно, что я находил их такими сексуальными в их чистой простоте? Отсутствие чувственности, складки на задниках, где они были помяты. То, как язычки торчали в

беспорядке. Пятка на левой кроссовке была более стоптанной, чем на правой. Ей нравилась её левая нога. Это была самая сексуальная вещь, которую я когда-либо видел.

У меня были интимные чувства к пациенту посредством пары кроссовок.

Я сунул их обратно в сумку, не глядя на одежду, и застегнул молнию, заявив себе, что я никогда не посмотрю на них снова. Но проблема была не в кроссовках. Это был я. Проблема была во мне.

Глава 21.

ФИОНА

Джонатан казался одержимым физической активностью. Его не было за столом для пинг-понга, а когда я пошла искать его после обеда, то обнаружила на баскетбольной площадке под фонарями. Его движения отражали игру: два коротких удара, а затем продолжительный свист, когда мяч проходил через сетку корзины. Он поймал мяч и начал заново. Площадка была заполнена всеми видами психов, сбившихся в кучки в тёмных углах ночи под огнями. Никто не подошёл к Джонатану. Он был воплощением угрозы с красным флагом. Мистер Джокер. Мистер «У меня тысячи друзей».

Я прислонилась к столбу, на котором было закреплено баскетбольное кольцо.

— Вижу, ты заводишь друзей.

— У меня есть ты, Фи. — Мяч в корзине. — Мне не нужны друзья, — улыбнулся Джон.

Я не ожидала какой-либо радости от него.

— Кто выгацил палку из твоей задницы?

— У парня не может быть перерыва? Что я должен сделать? Получить ещё один сердечный приступ? — Он осмелел. — А у тебя как дела? Пыталась напасть на своего терапевта в последнее время?

— Не пыталась, болван.

Джонатан передал мне мяч, грубо. Он выбил из меня воздух, но я поймала его.

— Двадцать четыре часа самоконтроля, — сказал он. — Одиночество для тебя лучше.

Джонатан вернулся. Парень, который не мог меня терпеть, который дразнил, упрекал и играл на моих нервах, пока я либо не выходила из себя, либо не била его.

— А ты? — сказала я, передавая мяч обратно так грубо, как могла.

Он поймал его без проблем и повёл дальше.

— Ты не такой уж и отличный пример для самоконтроля. Если я захочу пример, то я смотрю на Терезу.

— В один прекрасный день и она лопнет. — Мяч в корзине. — Оставит кружева и жемчуга, — он показал взрыв руками. — *Бум.*

Я поймала мяч на лету.

— Кстати, она сказала, что ей жаль, что она рассердилась на тебя, — я бросила мяч брату. — Судя по всему, она материлась.

— Я её не осуждаю. Но да, она потеряла самоконтроль. С этого момента я буду примером того, как удерживать своё дерьмо внутри. Всё, что я смогу контролировать, я буду держать в узде. Готово. И прости, Фи, но я буду держаться от тебя подальше. Ты плохо влияешь. От папы тоже буду держаться подальше. Он ещё хуже. Мне хочется разбить ему

лицо, — Джон замахнулся для броска и промазал. Снова взяв мяч, он произнёс:

— Контроль. Для всего перед моими глазами.

— Ты думаешь, что это так легко?

— Да, думаю. Это выбор. Я вижу, что грядет безумие. Ты. Рейчел. Затем я. И теперь я знаю, каковы признаки. Я понял. — *Бум.* Мяч попал по ободу. — Дальше я буду наблюдать за Терезой. Потом за Марджи. Мы все будем здесь в какой-то момент, пока мы не научимся.

Я поймала его мяч на середине отскока.

— Ты бредишь.

— Ты знаешь, кем была одержима моя девушка, прежде чем умерла?

— Богом? — Я сделала бросок, и *бум*, промазала. Из меня всегда бы плохой спортсмен.

— Тобой, — он поймал мяч в воздухе. — Говоря о бреде. Она думала, что она — дерьмо. Думала, у вас была настоящая жизнь.

— Почему? — Эта информация странно кольнула меня. Я была разной, но восхищения мной даже в списке не было. Тем не менее, желание необъяснимой близости пульсировало вокруг восхищения, когда я была уверена, что вообще никогда не встречала Рейчел.

Джонатан набивал мяч, но не делал броска.

— Она была обычной, нормальной девушкой. Из плохой семьи, но всё равно она была реальной. То, как мы живём, было для неё словно сказкой, — он засмеялся и бросал мяч, пока тот не пролетел над его головой. Он поймал его и снова принялся набивать. — Когда она увидела, как ты жила, как тратила деньги, она восхитилась этим. До меня должно было дойти уже тогда. Думаю, то, что я не видел этого, начало беспокоить меня больше всего, когда я слышал о ней и папе. Как это дерьмо могло проскользнуть у меня под носом. Мне не нравится быть слепым. Я чувствовал, будто получил бейсбольной битой в затылок. Затем вечеринка, я просыпаюсь, а ее нет.

Он сделал удар. *Мяч в корзине.*

— Она была реальной, а потом... её не стало.

— Потому что она хотела быть нами.

— Сумасшедший конченный мир, — сказал он, передавая мне мяч.

Я встала перед сеткой и бросила мяч. По какой-то случайности или законам физики он попал в корзину.

— Отличный бросок, — мужской голос прозвучал слева от меня.

Я повернулась и увидела Уоррена Чилтона, набивающего рукой мяч, который я бросила.

— Дрейзен, — сказал он, передавая Джонатану мяч.

— Эй, — бросил Джонатан в ответ.

Я была уверена, что он пытался вспомнить лицо Уоррена. Тот был на семь или восемь лет старше, но был хороший шанс, что они потягивали травку из одного и того же косяка в каком-то месте. Джонатан сделал бросок, промазывая, потому что он вёл себя осторожней, как никогда прежде. Он передал мяч обратно Уоррену.

— Где ты был? — спросила я, возвращаясь к столбу, когда Уоррен подпрыгнул к обручу и промазал. *Баам.*

— Получил освобождение, чтобы съездить на свадьбу сестры. Снял отслеживающий браслет с лодыжки с помощью горелки и удрал, — он поднял штанину, показывая красный свежий ожог.

— Ого, чувак, — Джонатан вёл мяч, поглядывая на лодыжку Уоррена. — Куда ты ходил?

— Украл машину моего отца и поехал в Санта-Барбару.

— Круто. — Он кинул мяч Уоррену, который снова промазал, бросая в корзину. Я не могла поверить, что Джонатан будет впечатлён высокой драмой, но ему было шестнадцать.

— Даже словечком не обмолвились на ТМЦ. Вы, ребята, до сих пор не сходите с экранов.

Джонатан рассмеялся, когда ударом отбил промазавшую подачу Уоррена. Уоррен обманул Джонатана и подпрыгнул ко мне, суя маленький пакетик синих овальных таблеток мне в ладонь. Я засунула их себе за пояс, когда он подмигнул мне.

— Что говорят о нас в новостях? — спросил Джонатан, пасуя Уоррену. — Есть шансы, что я сниму кого-нибудь, когда выйду?

Я осмотрелась вокруг, чтобы убедиться, что никто не видел, как я спрятала пакетик.

— Фиона, — позвала меня Френсис.

Я повернулась. Она стояла рядом с Эллиотом. Они махали мне.

Дерьмо.

Глава 22.

ЭЛЛИОТ

Я видел, что она вела себя наилучшим образом: сложила руки на коленях, отвечала короткими предложениями и тихим голосом. Её попытка не напасть на нас казалась монументальной. Я гордился тем, как ей удавалось держать себя под контролем перед Френсис, и сочувствовал, видя, как трудно ей было не уснуть, отвечая «да» и «нет», когда она хотела сказать больше.

— Вы понимаете правила завтрашнего визита? — спросила Френсис. Она говорила со своими коллегами желчно и остроумно, но с пациентами вела себя так, словно они были детьми.

— Да, — ответила Фиона, глядя каждому из нас в глаза через стол в конференц-зале — тот самый стол, за которым мы предали её неделей ранее. — Один час. Только разговор. Не выходя за пределы сада. С нами всё время кто-то будет.

— Мисс Дрейзен, — обратилась Френсис, слегка смягчая свой голос. — Я надеюсь, что вы не чувствуете себя загнанной. Мы пытаемся убедиться, что это безопасное посещение. Этот человек является причиной того, почему вы здесь, к лучшему или худшему. В вашем прошлом присутствует насилие, так что мы должны быть осторожны ради вашего блага и блага других пациентов.

— Я понимаю.

— Этот визит стал возможным только благодаря слову доктора Чепмэна.

Она посмотрела на меня.

— Спасибо.

— С удовольствием, — солгал я.

Джана мыла посуду, когда я вернулся домой.

— Привет, — сказал я.

— Эй. — Она сходила с ума.

Я вернулся гораздо позже, чем должен был, но я должен был обновить информацию для Френсис по поводу Дикона, а затем она настояла на разговоре с Фионой. Объяснение было на кончике моего языка, однако я проглотил его. Но посчитал тарелки.

— У нас гости?

— Мэри приходила поговорить с тобой о работе. Я решила, что убью двух зайцев одним выстрелом. Но ты не появился, так что... — Она пожала плечами и взяла свой бокал с вином.

— Мы должны были встретиться завтра. Ты не можешь сбросить интервью на меня двенадцатью часами раньше.

— Если бы ты вообще был серьезен, ты был бы здесь со мной, дома. Но теперь на тебя нельзя положиться, и я сбита с толку.

— Это несправедливо, — сказал я.

— Что ты делал?

— Работал.

— Есть кто-то ещё?

— Что?

— Ты. Трахаешь. Кого-то. Ещё? — она медленно произнесла каждое слово. Слишком много было бокалов, отчего её слова соскальзывали с языка с влажным причмокиванием и напряжением.

Я пересёк комнату в два шага и забрал бокал из её руки, прежде чем она коснулась его губами. Толкнул её к холодильнику и прижал ладонь к грудной клетке. Второй рукой я задрал её юбку.

— Почему? — спросил я, прикасаясь губами к её щеке. — Я пришёл домой с запахом киски на лице? — Я отодвинул её трусики с промежности и вошёл в неё двумя пальцами.

Джана резко схватила воздух ртом. Может, это и не ощущалось приятно, но мне было всё равно.

— Или с губной помадой на воротнике? Разве я называл тебя другим именем? — Я нырнул всей ладонью в трусики и прижался к её клитору.

— Что ты делаешь? — пропищала она.

— Беру тебя, — я добавил третий палец. Теперь она была мокрой. Я выскользнул из неё, провёл по клитору, а затем вернулся обратно внутрь. — Я устал от этого дерьма. Слишком много разговоров и недостаточно крика.

— Боже, какого...

— Скажи моё имя.

— Эллиот, — застонала она, когда я прикоснулся к её клитору.

— Ещё раз.

— Эллиот.

— Когда я говорю: встать на колени, ты становишься на колени, — я погладил её сердцевину, нежно размазывая по ней влагу. — Я собираюсь тащить тебя в спальню за волосы и бросить на кровать. Забраться тебе за спину и раздвинуть ноги. — Я снова просовываю в неё три пальца, грубо, зарываясь по косточки. Я понятия не имел, что делал, но следующие полчаса покажут, что делать. — Затем я согну твои ноги в коленях и поцелую с внутренней стороны бёдер. Мой язык пройдёт от одного колена к другому,

останавливаясь на твоей киске только на секунду. Затем от бедра к бедру. Тогда я остановлюсь на твоём клиторе. Я поцелую и вылижу его, пока ты не начнёшь умолять меня трахнуть тебя.

Она была моей. Дикой, с прикрытыми глазами и волосами, спадающими на лицо. Когда она посмотрела на меня, я был уверен, что, если бы я сказал встать на колени, она бы это сделала. Я был твердый как камень и ждал.

Вместо этого Джана сказала:

— Это так ты с ней говоришь?

Я сделал шаг назад, вытаскивая свои мокрые пальцы из неё. Я намеревался взять их в рот перед ней, но теперь они ощущались липкими и грязными.

— Забудь это. Просто забудь.

— Я не могу избавиться от чувства, что есть кто-то ещё, — она поправила свою одежду.

— Я посплю в комнате для гостей.

Мне не стоило выходить в другую комнату и закрывать дверь. Я должен был держаться открыто и поговорить, но я не мог, потому что даже не знал, чего хотел от неё. Я не знал, что чувствовал. Чего я мог ожидать, когда пришёл к ней вот так после вечера, похожего на комнату для БДСМ?

Я должен был открыть ей своё сердце. Мог бы сказать ей, что во мне открывалась новая часть, даже если я не понимал её. Но я не хотел, чтобы она знала. Я хотел вариться в своих желаниях, не задевая потребности кого-либо другого.

Это было только моим.

Глава 23.

ФИОНА

К тому моменту, как я пошла на свой сеанс к девяти часам, я выпрыгивала из кожи вон. Дикон должен был прийти в одиннадцать. Ещё два часа. Я уже надела джинсы и блузку, смеясь над несексуальной, неряшливой обувью.

— Кто их выбрал? — спросила я Эллиота. — Вы?

— Дебби.

Я снова рассмеялась.

— Мы с ней шутили, что это наименее сексуальный тип обуви в мире. Она, очевидно, думает, что мне немного нужно понизить тонус.

— Есть ли для тебя способ быть той, кем ты являешься, не считая секс всем, на что ты способна?

Даже не знаю, могла ли я ответить ему, потому что кончики его пальцев на блокноте сводили меня с ума. Как легко он прикасался к нему, как будто наслаждаясь теплом кожи. Я старалась не пялиться, но продолжала наблюдать за его рукой краем глаза и слушать лёгкий шорох его прикосновения. Я хотела сдержаться от попыток соблазнить его, потому что он был неискнушаемым типом парней, и для такого, как он, я была гнуснее крысы в сточной канаве.

— Я не стыжусь того, кто я, так что я никогда не хотела иметь больше, если вы понимаете, что я имею в виду, — сказала я. — Я бы появилась на Манди и разделась до

нижнего белья. Дикон оставил бы мои вещи у двери. Когда я просовывала лодыжки в распорки для ног, это было похоже на работу. Я делала это, и, когда возбуждалась, делала то, что и должна была. Входила в комнату Дикона, и он ждал. Не то, чтобы я могла ходить с распоркой на ногах, так что я спотыкалась или делала что-то неправильно. Это тоже было моей работой. Ошибаться, чтобы он мог связать меня с раздвинутыми ногами. Умолять, когда он просил. Быть шлюхой для него.

Эллиот перестал водить пальцем по коже блокнота и сглотнул. Если бы он стоял, я бы увидела твёрдую как камень эрекцию. Это тоже было моей работой.

— Ты получаешь много удовольствия от разговора о сексе, — сказал он.

— Да.

— Мне нужно меньше этого.

— Почему?

— Потому что ты пытаешься возбудить меня, а я хочу остаться твоим терапевтом.

— Я не пытаюсь, — возразила я.

— Пожалуйста, и не пытайся.

— Я развратница. Это то, что я делаю.

— Ты не такая. Ты не можешь определять это по половому признаку.

— Я определяю себя так, как я хочу, — мой голос прозвучал резко из-за попытки защититься, и я ненавидела его. Он заставил меня чувствовать себя так, как если бы я потратила своё драгоценное время, делая и учась бесполезным вещам. — Я буду решать, что во мне стоящее. Я буду решать, о чём говорить и что делать.

— Не ты решаешь. Это делает твоя зависимость.

Эллиот был настолько уверен в своей правоте, и я почувствовала пульсацию насилия, которую должна была подавить. Я была менее, чем в девяноста минутах от встречи с Диконом. Я не куплюсь на приманку в виде сексуально неудовлетворённого ублюдка, который хотел вырвать ту, кем я была. Мои губы заметно задрожали, а глаза наполнились слезами. Я подавила желание высказать ему, как благодарен он был бы через пять минут после того, как я бы обхватила своими губами его член.

— Не указывайте мне, кто я, — прошептала я.

— Я не знаю, кто ты. Но я знаю, кем ты не являешься. — Он со стуком поставил коробку салфеток передо мной. — Ты не безмозгая и бессердечная развратница. Может быть, тебе стоит послушать людей, которые говорят вокруг тебя. Они тоже не думают, что ты мешок секса.

Я вырвала салфетку из коробки, как будто она лично обидела меня, что она и сделала. Сраная салфетка. Я высморкалась в неё.

— Я решаю, понятно? Решаю, что пойдёт, а что нет. Я ничего не могу поделать с тем, как видят это другие люди. Люди получают травмы, и вы знаете, что это происходит, но я не лгу. Все при деле.

— Все? Ты только что сказала, что люди получают травмы.

— Иногда.

Эллиот отодвинул свой блокнот в сторону и опёрся о стол, как будто я сказала что-то, на чём бы он хотел остановиться.

— Скажи мне, когда в первый раз кто-то получил травму.

— В последний раз, когда Дикон...

— Не в последний раз. Первый раз.

— В первый раз это была моя вина.

— Хорошо. Давай послушаем.

Мне не хотелось рассказывать эту историю. Не хотелось говорить, что я сделала, какой небрежной я была. Но Эллиот вернулся ко мне, и я сказала, что буду сотрудничать. Так что я просто должна выложить всё это, не так ли?

— Эван. Я не буду использовать его фамилию, потому что вы знаете его отца. Я имею в виду не то, что знаете, как *знакомы*, но... знаете.

— Хорошо.

Я откашлялась. Можно ведь просто сделать вид, что его здесь нет, когда я расскажу эту историю? Или, например, что я лежала в постели, глядя на дверь в ванную комнату, пока всходило солнце.

— В то лето после окончания средней школы я встречалась с парнем по имени Эван, который собирался в Браун в августе. У нас не было постоянных отношений, потому что он уезжал, и я собиралась в университет Калифорнии. И хоть он и был хорошим и всё такое, у него был лучший друг Гэри, и он был довольно горячим, и он оставался в городе. Поэтому я предложила Эвану, что было бы весело, если бы мы иногда проводили время вместе.

Почему я запинаясь и бурчала? Почему использовала мягкие слова? Это было фигней. Я вздёрнула подбородок и перефразировала последнюю часть:

— Я сказала Эвану, что хотела секса втроём с его приятелем Гэри. Это обидело его чувства. Он сказал «нет», потому что он любил меня как свою девушку. Я не сказала ему, что по факту не была его девушкой.

— И он расстался с тобой? Какое было чувство?

Уже говорим о сраных чувствах? Господи.

— Никакое, потому что он не расстался со мной. Сделал это позже. После... Ну, он всё равно уезжал в Браун, так что это не имело значения.

— Таким образом, он остался с тобой на лето?

— Почему вы хотите так много подробностей?

Эллиот пожал плечами.

— Если ты перестанешь пропускать факты, я перестану задавать вопросы.

— Что заставляет вас думать, я пропускаю факты?

— Это моя работа.

Хорошо.

Нахрен его.

— После того, как Эван сказал «нет», Гэри пригласил меня к себе. Что было хорошо, потому что нахрен это. Если Эван собирался держать свои яйца в трусах, ладно. Но Эван был там. И я думала: *«Это не секс втроём. Это не то, что им нравится»*. Потому что не было никаких напитков или наркотиков, но играла музыка и свет был включён. Так что я такая *«Эй, привет, ребята, в чём дело?»*. Эван бросил тупой комментарий, типа *«отсоси мой член»* или какую-то другую тупую шутку, а Гэри... — я останавливаюсь, потому что чувствую, как кривится мое лицо.

Эллиот даёт мне минутку шмыгнуть носом и собраться.

— Гэри толкнул меня. Прижал меня лицом к кухонному столу. И сделал это грубо. Так что я крикнула *«Отвали от меня!»*. Но Эван... Он подошёл и сдёрнул мои джинсы вниз. А потом... Я не могла пошевелиться, потому что Гэри держал меня. Боже, я не могу вам рассказать...

— Ты не должна.

Но мне нужно было. Мне нужно было нахрен закончить это, потому что я сказала своему терапевту, что буду сотрудничать. Просто потому, что у меня были фантазии о нормальной жизни с этим терапевтом, не означало, что для него что-то изменилось. Я была тем, кто должен был просто пройти через это и сделать то, что, я обещала сделать.

— У меня не было анального секса прежде. Я не знала, что должно было быть много смазки и много подготовки, и нужно было быть действительно возбужденным. Эван тоже не знал, потому что он только раздвинул мои ягодицы и плюнул, чего никогда бы не было достаточно... Боже, это было больно. У меня болела задница, и болело всё внутри. И он не останавливался. Я всё время кричала: «Стоп, стоп. Ты делаешь мне больно». Гэри не отпускал, а Эван продолжал делать это. После того, как он кончил, они поменялись местами.

Я замолчала. Слез не было, потому что я отключила все свои эмоции. Если бы я выпустила их, я не смогла бы рассказать историю объекту моих глупых фантазий о нормальной жизни.

— Мне очень жаль, что это случилось.

Его лицо напоминало ледяную глыбу, будто ему было всё равно. Будто это была одна из сотен историй, что он слышал о девушке, которую трахнули в задницу всего лишь с плевком вместо смазки. Просто ещё один пациент с глупой историей. Вот кем я была.

— Это была моя вина, — сказала я. — Видите, однажды я и правда столкнулась с последствиями.

— Ради чего? Чтобы испытать свою сексуальность? Чтобы избавиться от отношений, которые никуда не веди? Нет, Фиона. Нет.

— Нахрен это. Я сказала, больше никогда. С тех пор я был кристально честной. Я не буду чьей-то девушкой. Буду вести распутный образ жизни. Точка.

— Таким образом, ты никогда не занимаешься сексом, если не согласна на всё?

— Если хотите выразиться таким образом, — сказала я, скрестив руки. Я должна была сдерживать слёзы, когда Эллиот сказал это.

— Это привело тебя к совершенно тупиковой ситуации.

— Это очень хорошо работало.

— До определённого момента.

— Да.

Я шмыгнула носом. Если он пытается очистить мою голову от соплей и жидкости, он был на три четверти на пути к тому, чтобы мою плотину прорвало.

— Я говорил с Дебби, когда забирал для тебя одежду, — сказал он мягко. — Она говорила о тебе, будто ты была настоящим человеком. Таким, у которого есть хорошие качества.

— Дебби видит хорошее в каждом.

— Она сказала, что ты помогла ей приспособиться, когда она попала на Манди.

Я вытерла нос.

— Она очень молода, но я была ей не нужна. Она весьма зрелая. Мартин сказал бы вам, кем я была, и насколько я хороша в этом. Но вы не поверите его мнению, потому что уже не согласны с этим. Правильно?

Эллиот сделал слишком долгую паузу. Я восприняла это как победу. Озадачила его своей относительностью. Даже не суя средний палец ему в лицо и не мочась на его

письменный стол, но я чувствовала себя хорошо... пока он не заговорил.

— Мартина не было в Нью-Йорке перед Рождеством. Ты говорила, что он был в отъезде, когда тебя связывали, или что-то в этом роде?

Я захлопала ресницами. Почувствовала чёрную дыру в своём мозгу. Он был прав, конечно. Мартин не был в Нью-Йорке. Я знала это. Так почему же я чувствовала, словно поток моих мыслей был чем-то заблокирован?

В зубе кольнуло. Я накрыла рот руками, потому что нервные клетки, не работающие с тех пор, как я была в конюшне, снова сомкнулись, и я боялась, что память вылетит из моей головы.

— Мартин. Он связывал меня во время отъездов Дикона. Боже мой, это хуже, чем трахаться с ним. Вот почему он был так зол, — слова выливались из меня вместе с воспоминаниями.

Подвешивание, раскачивающиеся канаты в глубоком тумане, и потолки, бледно-синие вместо деревянных балок, как в комнате у Дикона. Я так сильно хотела этого, но его руки были не теми. Он тянул под странными углами, не поддерживал, когда мне нужно было это, и мой желудок скручивало от алкоголя и наркотиков. Цвета были размыты, и грубая верёвка натирала болезненную кожу, когда всё подо мной исчезло, прежде чем вспышка рассекла пол пополам.

— Мартин был небрежен, и он уронил меня. Я упала на лицо, и моё запястье было связано абсолютно неправильно. Я не чувствовала этого, потому что была под кайфом от чего-то. — Я прижала кончики пальцев к щеке на месте повреждённого моляра. — Дикон на самом деле не бил меня. Я думала, что он и не мог бы, но больше не знаю, чему верить. Но это было то тупое дерьмо.

— Тупое дерьмо, которое знает, за что вас нужно ценить? *То* тупое дерьмо?

Я не говорила ничего в течение минуты, может быть, двух. Мне потребовалось много времени, чтобы смириться с неожиданностью.

Словно он знал, когда я была готова слушать, Эллиот произнёс:

— Я говорил тебе, что воспоминания, которые у тебя будут под гипнозом, будут красочными. Что было важно, так это чувства, которые скрывались под ними. Ты не боялась Дикона, когда вспомнила, что он ударил тебя, и это важно. Но ты сделала красочным событие, чтобы снять с себя вину за нарушение правил с Мартином.

— А как насчёт конюшни? — спросила я. — Что я изменила там?

— Ты должна спросить об этом Дикона.

Я кивнула и сложила свою салфетку.

— У нас есть две минуты, — сказал Эллиот. — Я использую их, чтобы дать тебе задание. Когда в следующий раз будешь говорить с собой о себе же, я хочу, чтобы ты попробовала кое-что новое. Я хочу, чтобы ты использовала другие слова.

— Например?

— Например, верная. Сильная. Заслуживающая доверия. Энергичная. Храбрая. Самоотверженная. Используй эти слова, Фиона. Хватит врать самой себе о том, кто ты.

Глава 24.

ЭЛЛИОТ

Я не знал, в какой момент мои эмоции вспыхнули во время сеанса. Если бы я рискнул предположить, то, наверное, это случилось, когда я поставил перед Фионой ту коробку салфеток. Я дал ей характеристику не только для неё, но и для себя, и, продолжая эту тему, я видел всё сквозь её дерьмо и своё собственное возбуждение. Попросив её охарактеризовать саму себя, я сделал то же самое у себя в голове, и знал, насколько глубоко врезалась моя проблема.

Потом, когда она сказала мне, что была изнасилована своим парнем и его другом, моя отчуждённость отправилась в ад. Я слышал больше сотни жестоких историй, но я хотел найти тех двух мужчин и выпотрошить их за боль, которую они ей причинили. Ради Фионы я сдерживал своё дерьмо.

Я слышал её брата из общей комнаты, пока он играл в пинг-понг. Но в его комнате было тихо. Пациенты читали и тихо болтали. В этой комнате было окно с видом на подъездную дорожку. Была моя очередь дежурить, и я спрашивал себя, что я почувствовал, когда чёрный Рендж Ровер въехал в ворота.

Я почувствовал себя незначительным. Почувствовал себя потерянным в вихре. Когда Дикон Брюс передал камердинеру ключи, а я стоял возле этого грёбаного окна, как сталкер, я почувствовал себя камнем в ботинке, ожидая, что меня вытряхнут и отбросят. Когда он посмотрел наверх, чтобы увидеть Фиону, а увидел только меня, я почувствовал, будто моё сердце сжали. Он увидел меня и махнул рукой. Дикон знал, что я делал. Он знал, что у него было то, что я хотел, но он не волновался. Я был неудачником, вторым местом, бетой в стае волков. Я помахал в ответ, словно принимая своё поражение.

Как я себя чувствовал?

Я чувствовал, как будто вот-вот опоздаю. Чувствовал тяжесть моей ответственности перед другими людьми. Возвращаясь в свой кабинет, вид из которого выходил на сад, по дороге я вытащил телефон из кармана. Едва ли сделав паузу, я набрал Джане.

— Алло, ты...

— Нет. Я опоздаю, — я говорил спокойно и лаконично.

— Намного?

Это было неправильное слово. Я переминался с ноги на ногу и колебался, когда должен был только излагать факты.

— Я не приду.

— Нам перенести?

— Отменить. И я больше не буду обсуждать это. Прости. Не знаю, что я буду делать, но я не буду работать в Карлтон Преп.

— Эллиот, мы согласились.

— Ты согласилась. Мне нужно идти, — я повесил трубку и положил телефон в карман.

Болезненные последствия будут у каждого решения, которые я принял за последние тридцать минут, но это были мои лучшие решения за последние два года.

Глава 25.

ФИОНА

В итоге, я надела психокостюм с кроссовками. С одной стороны, я была больной в их чёртовых велкро-тапочках для наружной и внутренней прогулки. С другой стороны, я не хотела отличаться. Не хотела скрывать от Дикона то, кем была. У меня были проблемы, и он знал это. Я тоже знала. Джинсы и блузка не изменят этого. Так что я надела кроссовки, вспоминая шнуровку под липучками, как кусочек взрослой жизни, скрытый под по-детски безопасным креплением. Я никогда не пыталась расшнуровать и подтянуть их. Предпочитала загибать задник кроссовки и выворачивать ногу, чтобы надеть его, словно собиралась сделать балетный трюк.

И на мне были трусики, потому что мне осточертело свободное больничное бельё, съезжавшее с задницы.

Я сидела в вестибюле, пробегая пальцами по ткани с узором. Выглянула в стеклянные двери. Потом встала и посмотрела на свежую цветочную композицию три фута высотой. Затем села перед дровяным камином в стиле модерн. Снова выглянула в стеклянные двери.

Он никогда не опаздывал. Не то, чтобы он переживал об этом. У него были часы такого же цвета, как и его автомобиль, и такие же огромные, как обеденная тарелка, но он всегда, казалось, знал, сколько времени, не глядя на них.

Я, с другой стороны, посмотрела на настенные часы, будто они шли в обратную сторону, когда почувствовала мурашки по спине

Он приближался.

Я знала, что он не бил меня. Знала, что я позволила Мартину связать меня, что было запрещено, потому что это было опасно и являлось ещё одним примером непослушания. Я ничего не знала о конюшне кроме того, что я была поражена, когда кто-то вошёл, а Дикон знал всё. Только он знал уровень моего предательства, и только он мог простить меня.

Позади меня хлопнула дверь уборной. Марк, назначенный смотритель, вышел.

Я хлопнула дверь в ту ночь. Подскочила, когда услышала, как хлопнула дверь автомобиля снаружи.

Дикон. Он был здесь.

Я хлопнула дверь по пути наружу, когда пошла в конюшню. Я ушла в бешенстве, воюя со своим позором и презрением к самой себе.

Это был он, человек, идущий ко мне в чёрном шерстяном пиджаке и выглаженных брюках. Он, с горящими голубыми глазами, которые видели так много, и руками, которые могли добраться до сути, заставить чувствовать и ласкать в одно и то же время.

Он оставил меня за то, что Мартин связал меня. Нет, он не ударял меня и не ломал зуб. Это я сделала сама. Но он выгнал меня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Освободи своё сердце, котёнок. Освободи свой разум. Открой глаза. Кого ты видишь? Дикон дёргает мои волосы, пока я не смотрю на него. Я чувствую себя как дома и взволнованно. Он вернулся. Он ушёл, но вернулся.

— Тебя, — хриплю я.

— Ты свободна? — Он вытягивает мою руку назад и останавливается.

— Да, — я говорю.

Но плавность момента исчезает, когда Дикон растирает больное место на моём

запястье большим пальцем. Он у меня за спиной, на коленях, его пульсирующий член возле моей щели. Я не хочу, чтобы он тёр моё запястье. Я хочу, чтобы он трахнул меня.

— Что это? — спрашивает он.

Мне казалось, синяки сошли, но у Дикона орлиный взгляд. Ни одна деталь никогда не ускользала от него, и ни одна ложь никогда не оставалась незамеченной.

— Синяк, — я перехватываю следующий вопрос, потому что он уже знает ответ. — От верёвки.

Он отклоняется назад, и я знаю, что всё кончено. Он не трахнет меня. Простит, но не трахнет.

— Кто? — он спрашивает, будто это уместно.

Это не так. Кто-то другой связывал меня. Мы оставили это друг для друга. Я встаю, потому что не могу признаться в позе сабмиссива. Я должна поднять голову. Должна.

— Мартин. Он хотел поработать над этой последней асимметричной позой.

— Дебби при этом была?

— Нет.

— И? — теперь он встаёт тяжело, как скала. Ужасающе.

— Что и?

Он не будет спрашивать меня, трахалась ли я с ним, потому что это не первостепенная важность. Он просто будет стоять с выражением шока, а затем сделает шаг вперёд таким образом, что я попячусь назад, один раз, два раза, пока стена не окажется у меня за спиной. Его дыхание упадёт на мою щёку, и боль в моей руке перебежит от моего запястья к чувствительной стороне моего бицепса.

— Ты не хотела этого, — говорит он глубоким гортанным голосом. Он голый, потрясающий. Дикон прижимает меня к стене, и от трения кожа на моей заднице горит.

Сожаление. Фунты сожаления. Мили в ширину. Сожаление до глубины моей разломанной души.

— Я сожалею. — Так ли это? Или это просто слова?

— Почему?

Моё запястье болит. Он с такой силой прижимает его к стене, будто я уйду, будто повернусь к нему спиной. Тем не менее, я хочу уйти, убежать, показать ему, что могу бросить его так, как он бросает меня.

Я выворачиваюсь, но он только прижимает сильнее и требует:

— Почему?

— Отстань от меня!

— Скажи мне, почему! — Его глаза расширяются, зубы сверкают, словно он хочет вырвать мне глотку. — Почему?

— Мне это нужно!

Он делает один вдох, тяжёлый, словно наполняет лёгкие, чтобы сказать то, что он не хочет говорить. Дикон тянется ко мне, и я думаю, что он мог бы сказать, что всё в порядке. Он проводит пальцем по моей нижней губе, и я вот-вот взорвусь от благодарности. Его лицо мягкое и любящее, и этот мужчина принадлежит мне настолько, насколько я принадлежу ему.

— Мне жаль, — шепчет он. — Ты должна уйти. Я не могу тебе доверять.

Я до сих пор нахожусь в шоке, когда дверь захлопывается за ним.

Прикрыв рот рукой, я наблюдаю, как Дикон регистрируется. Он был здесь, дышал тем же воздухом, что и я. Он пришёл ко мне. Может быть, он не приехал на белом коне, чтобы поймать меня, когда я выпрыгну из белой башни. Может быть, мы не уедем в закат, но он пришёл за мной.

Он пришёл за мной.

Я все время повторяла эти слова, купаясь в благодарности к нему, всему Вестонвуду, Эллиоту, людям, которые собрали его машину и наполнили её горючим.

Дикон прошёл через стеклянную дверь. Она со свистом открылась, и я сделала вдох, когда она закрылась. Он остановился, когда увидел меня. Я была развалиной, и я знала это. Но меня не беспокоило то, как я выглядела. Это никогда не было проблемой между нами, потому что он видел *меня*.

Ни словами, ни жестами я не могла выразить то, что чувствовала. Я закрывала рот рукой, чтобы слюна не стекала, пока я плакала. Он сделал четыре шага, больших шага, пересекая длину коридора, и обнял меня, отрывая от пола. От него пахло пеканом и кожей, приключениями и разбитостью. Пахло удовольствием и болью, данной без сожаления, и когда он крепко держал меня, я чувствовала и то, и другое.

— Фиона, — сказал он, выражая желание и надежду.

— Прости, — сказала я сквозь слёзы. — Мне так жаль.

Глава 26.

ЭЛЛИОТ

Я закрыл дверь кабинета и подошёл к окну. Выжидая, словно паук, пока дёрнется его паутина, я сжал кулаки, признавая Фиону своим слабым местом, констатируя тот факт, что я хотел её, но она принадлежала другому.

Прошло немного времени, и они вышли и сели на скамейку. Когда он положил свою руку поверх её, я почувствовал себя так, как чувствовала Фиона. Бесплезным, использованным, холодной далёкой планетой, вращающейся вокруг яркого солнца. Это была моя боль. Моя. Никаких оправданий. Я бы окунул её в кипящую воду, пока из неё не вытекла бы вся кровь и не окрасила меня в тёмно-красный цвет позора.

Глава 27.

ФИОНА

Я вытащила Дикона наружу, словно ребёнок, показывающий свой кукольный домик.

— И у нас есть один парень, с которым я ходила в школу. Он знает каждый цветок и все его целебные свойства. Я имею в виду, что он сумасшедший, это ведь правда? С этим же ничего не поделаешь. — Я шагала спиной к патио.

— Ты не сумасшедшая, котёнок. Разве я не говорил тебе это?

— Боже, так приятно тебя видеть.

— Приятно?

Наступило время сеансов, так что комната отдыха была пуста. Я была чертовски рада этому, потому что не хотела, чтобы кто-нибудь заметил нас. То, что у нас было, не предназначалось для посторонних глаз. Это нельзя было увидеть или почувствовать. Следующий час был лишь наш. К чёрту всех их. Я хотела, чтобы все любопытные отвалили от меня.

Дикон обнял меня, и мы вышли во двор. Я потянула его к скамейке на полпути между зданием и аллеей деревьев. Он не сводил с меня глаз. Мы были словно надолго разделённая пара, которая не могла дождаться момента вновь оказаться в объятиях друг друга. Он сел рядом и повернулся ко мне лицом, согнув одну руку на спинке скамейки, а вторую положив поверх моей.

— Ты выглядишь прекрасно, — сказал Дикон, и он никогда, никогда не лгал.

— Ты тоже. Будто никто и никогда не ударял тебя ножом.

— Это было не так уж страшно. Поверхностная рана. Две бинтовые повязки и меркурохром (прим. пер.: красноватая жидкость, обладающая антисептическими свойствами и используемая для лечения наружных повреждений на коже). Поцелуешь рану, и она заживёт. Пустяк.

— Ты был в больнице.

— Роскошный отель.

— Нож не достал до сердца... на сколько?

Дикон пожал плечами.

— Не достал.

— Я не хочу, чтобы ты прощал меня, — выпалила я. — Даже если ты уже сделал это, я никогда не прощу себя сама. За всё. За то, что позволила Мартину работать со мной, за то, что попыталась убить тебя. За всё.

Его руки были такими нежными на моих, что я чувствовала его каждой клеточкой.

— Ты ничего не помнишь? — спросил он.

— Я только начала вспоминать ту ночь на Манди, когда ты выбросил меня, — я захлебнулась последним словом. — Я не говорю, что обвиняю тебя.

— Как ты? — это не был вежливый вопрос или обычная болтовня. Ему нужен был настоящий ответ.

— Не знаю. Я продолжаю искать ответ для других людей, словно они скажут мне, как я. Чувствую, что хочу, чтобы ты сказал мне, что я в порядке. Я не понимала, что именно этого ожидала от тебя, и ты знаешь, что не можешь помочь мне. Никто не может, но... это безумие.

— Я готов.

— Я не знаю, как еще корить себя, так что я буду слушать.

Он невесело рассмеялся, соглашаясь.

— Ты более жестока к себе, чем кто-либо другой, — он прижал пальцы к моим губам.

Я попробовала его на вкус, а желание открыть рот и принять глубоко его пальцы было подавляющим.

— Я думаю, что мы причиняем боль друг другу, — сказал он. — Я ошибочно просил у тебя моногамии, и это стало началом конца.

— Если это то, чего ты хочешь, это не ошибка. Я могу попробовать ещё раз.

Дикон покачал головой.

— Я думал, ты хотела этого. Но мне не нужно, чтобы ты была исключением. Я не ревную к другим мужчинам, если знаю их, и уверен, что ты защищена. Я думал, что это сделает тебя счастливой. Считал, что тебе будет безопасней, если ты будешь только моей. Но это не так. Это загоняет тебя в ловушку. Заставляет тебя делать глупые вещи. Я никогда не попрошу тебя о чём-то таком снова.

— Я смогу.

— Тогда сделай это. Просто сделай это, если это то, чего ты хочешь. Я не коснулся ни одной другой женщины после тебя, и не коснусь. Ни одна из них мне не интересна. Но это мой выбор. Он должен быть и твоим тоже. Я не могу заставить тебя, и не могу наказать тебя за то, кем ты являешься.

Он не мог наказать меня за то, что я была шлюхой. Шалавой. Пустым сосудом для секса без каких-либо целей и угрызений совести. Однако он имел в виду не это. Но я знала, что именно: что я была просто каким-то духом богини, не от мира сего, парящей над заботами о банальных вещах, таких, как верность, и он обрезал мне крылья.

— Ты серьёзно? — спросила я. — Ты имеешь в виду, что мог бы просто отпустить меня пить и трахаться, когда тебя нет рядом, и это было бы приемлемо для тебя?

— Я, наверное, единственный человек в мире, который не чувствует ревности от этой мысли, но ты должна быть собой. Я приму тебя такой, или не приму вообще. Ты знаешь, кто ты для меня. Ты — моя причина, чтобы чувствовать себя хорошо. Даже после всего, я счастлив, когда думаю о тебе. Это всё, чего я хочу — почувствовать эту свободу. Я не заинтересован в «багаже», который получу, принудительно сделав тебя исключительной. Дети, брак, миф о счастливом доме. Ничего из этого нам не видать.

Он и раньше это говорил, и я приняла это тогда.

— Я хочу спросить кое-что, — сказала я, опуская глаза.

— Да? — он поднял бровь. Дикон знал, что я собиралась спросить; я бы поставила весь свой трастовый фонд на это.

— Можешь сказать мне, что случилось? Как я ударила тебя? Я не могу воспроизвести события в своей памяти.

Дикон отвёл взгляд. В профиль он выглядел задумчивым, статным, с горбинкой на когда-то сломанном носу, и его подбородок был высоко поднят.

— В этом рассказе не будет никакого смысла, если я это сделаю, разве не так? Ты должна вспомнить сама.

— Я не могу.

Дикон наклонился.

— Можешь, — его голос стал низким, превращая вдохи в слова.

Когда он говорил вот так, я могла услышать его независимо от того, насколько громко играла музыка. Я покачала головой, чувствуя пощипывание в носу — слёзы, порождённые стыдом.

— Я могу помочь тебе.

— Расскажи мне. Пожалуйста.

— Нет, я могу помочь тебе вспомнить. Ты хочешь этого?

Я кивнула. Чёрт, он был так близко: дышал на меня, его щетина рядом настолько, что мне стоило лишь шевельнуться, и я бы почувствовала её. — Да.

— Мы должны остаться наедине, — сказал он.

— Что у тебя на уме?

Дикон поднял бровь. У него не было ни малейшего намерения говорить мне. Боже, как я любила его. Он — воплощение силы и уверенности в том, что всё, чего он может достичь, будет в порядке. Неудивительно, что я развалилась на части, когда он ушёл.

— Хорошо, — сказала я. Я не упомянула, что оставаться наедине было против правил или что их нарушение может продержать меня в заключении дольше, чем любой из нас хотел. — Жди здесь.

Он откинулся на спинку скамейки, и я встала. Я взглянула на Марка по пути в ванную, кивнув головой в сторону двери. Как послушная маленькая обезьянка, он последовал за мной, застав меня за дверью в уборную.

— Что? — спросил он. — С тобой всё в порядке?

— Мне нужно побыть наедине с ним у забора.

— С парнем?

— С парнем.

Он скрестил руки.

— Меня могут уволить за это.

— Я сделаю это заслуживающим риска.

— Ты не настолько хороша, детка.

Мне стоило приложить немного больше усилий при нашей встрече в ванной. Это сделало бы переговоры гораздо легче.

— Пять тысяч, когда я выйду.

— Десять.

— Семь. Больше никакой херни. Ты не единственный санитар здесь.

Он поразмыслил над этим секунду, вероятнее всего, уже тратя деньги в уме.

— И я должен прикрыть парня, следящего за мониторами, когда он отключит камеру.

Его тоже могут уволить.

— Пять для него.

Мы слишком долго разговаривали. Я уже знала, что за мной следят, и разговор с Марком за пределами ванной заметили бы в любом случае.

— Ты весьма неплохо поработала головой, — сказал он.

— Господи, ну ты и свинья.

Казалось, ему понравилось. Мне стоило назвать его джентльменом.

— Мой член нужно отсосать, куколка. Я на ночной смене, и становится немного скучно смотреть, как вы, психи, мастурбируете.

— Прекрасно. Просто позаботься об этом, — я протолкнулась в ванную, прежде чем он потребовал ещё и мою задницу.

Карен как раз выходила из палаты.

— Это Дикон? Парень на скамейке, с которым я тебя видела, — от неё несло рвотой. Голос и походка были неуверенными и сонными.

— Да.

— Вау. Он... Даже слова подобрать не могу. Властный, может быть? Иисус. И эти глаза.

— Да. Его внутренний мир тоже великолепен, — мне не нужно было в туалет, так что я просто поправила волосы перед зеркалом. Мне нужна была минута, чтобы Марк сделал своё дело.

— Хорошо тебе, — сказала она, проходя к двери. — Ты можешь использовать перерыв.

— Спасибо, — она собиралась открыть дверь, когда я сказала: — Можешь не

приближаться к дырам у ручья?

— Конечно. Все на сеансах, вроде как. Это не должно быть для тебя проблемой.

Я придержала для Карен дверь, потому что у неё были проблемы с весом. Марк был на другом конце комнаты, держа поднос с лекарствами. Он увидел меня и подмигнул. Слабый кивок дал понять всё, что нужно было знать.

Я вышла на улицу. Дикон ждал меня — красивый силуэт, смазывающийся на фоне жалкого пейзажа. Я протянула ему руку.

— Всё улажено, — сказала я.

— У тебя настоящий дар.

Я вытащила его в сад.

— Ты понятия не имеешь.

— Правда?

Неправда, на самом деле, но я не хотела говорить ему, что я только что потратила двенадцать тысяч долларов и пообещала один мерзкий минет в обмен на тридцать минут уединения с ним. Я отстегнула бы и большую сумму, и пусть та жалкая тварь кончит в мою задницу хоть сто раз, если это будет значить, что я побуду с Диконом наедине.

— Мы на месте, — сказала я, когда мы добрались до забора. Была открыта новая дыра. — Не гламурно, но это то, что у меня есть.

Он шире раздвинул края отверстия.

— Давай.

Я скользнула в него, и Дикон последовал за мной, протискивая свои могучие плечи в узкое отверстие, не зацепив ни шва на одежде и не убавив настойчивости. Я чувствовала, словно мы вместе перешагнули через какой-то рубеж. Он стоял прямо над мной, и я знала, что больше не будет никаких разговоров. Не будет ни обещаний, ни сладких слов. Не раньше, чем мы окажемся снова по другую сторону забора.

Моё сердце колотилось.

— Господин, я могу сказать?

— Да.

— Мы должны находиться с другой стороны этого дерева, если хотим оставаться вне диапазона камеры. — Я опустила глаза на его туфли. Пыталась не улыбаться от радости и волнения. — Если это то, чего вы хотите.

— Сними обувь, — было всем, что он сказал.

Я стянула задники с пяток и передала кроссовки ему.

— Хорошая девочка, — сказал он. — Теперь перейди к другой стороне дерева. Стяни штаны до середины бёдер, расставь эти красивые ноги, и жди меня.

Задыхаясь от нетерпения, я пошла в носках к дереву. Став спиной к стволу, я поддела пальцами эластичный пояс и потянула штаны с симпатичным хлопковым бельём вниз, оставляя их на полпути между моей промежностью и коленями. Лесной прохладный воздух ударил по моей заднице и влажному лону, словно пощёчина. Я опустила руки по бокам и расставила ноги так широко, как позволила одежда.

Дикон был там. От этой мысли покалывало во всём теле.

Но он не вышел из-за дерева сразу. Он говорил с той стороны.

— Подними рубашку, чтобы я мог видеть твои сиськи. Держи её вверху.

Он знал, что мои сиськи не были достаточно велики, чтобы удержать рубашку, так что я оставила руки на подоле рубашки, не показывая себя никому, кроме Дикона, который,

словно призрак, должен был прийти и выполнить своё обещание. Мои соски окаменели, а киска, казалось, была соткана из пульсирующей плоти.

Вскоре Дикон обошёл дерево. В его руках был кроссовок. Липучки загнуты назад, чтобы открыть взору шнурок. Он выдёргивал его из люверса за люверсом. *Хлоп. Щёлк. Хлоп. Щёлк* Шнурки были довольно длинными. Я легко могла повеситься на них.

— Дебби сказала мне, что ты болтала о заботе о чём-то в ту ночь. Она описала кожаную сумку, которую ты несла, и которую она никогда раньше не видела, но я знал, что это был твой старый набор инструментов для ухода за лошадьёю.

— Я не...

Он хлестнул меня по груди. Жжение было восхитительным.

— Позволь мне закончить, — он крепко схватил меня за челюсть. — Я задам вопрос, когда захочу услышать ответ.

— Да, сэр, — прошептала я.

— Она рассказала, что, по твоим словам, ты собираешься побыть взрослой на этот раз. Так что я пошёл за тобой. Я был зол. — *Хлоп. Щёлк. Хлоп. Щёлк* — Я не хочу, чтобы мной манипулировали, и, Фиона, как ни странно, ты умеешь манипулировать. — *Хлоп. Щёлк.* Последний конец шнурка покинул свой люверс. Дикон бросил кроссовок и провёл шнурком по пальцам. — Но Дебби была встревожена, а от неё я воспринял это всерьёз.

Он сплёл петли из шнурка, связывая их незнакомыми мне узлами, и шагнул ближе, пока я не почувствовала его пиджак своей кожей.

— Положи руки на ветку над тобой. Ухватись за неё.

Я так и сделала, позволив своей рубашке упасть. Ветвь была чуть выше моей досягаемости, заставляя меня встать на цыпочки, чтобы ухватиться за грубую зимнюю кору. Он скрутил шнурок вокруг моих запястий, затем вокруг ветки, привязав меня.

— И я нашёл тебя там, — сказал Дикон, позволяя концам шнурков упасть мне на плечи. — Одну, как я думал.

Хоть я и знала, что лучше не разговаривать, я снова хотела ощутить на себе его грубое прикосновение. Он обернул второй шнурок под моими сиськами, сжимая их каждый раз, когда я двигалась. Я чувствовала его позади, пока он завязывал последний узел. Он дёрнул за шнурок, словно его длина была на исходе, затем завязал его и подтолкнул меня. Я качалась. Боже, это было блаженством. Я закрыла глаза и вышла за пределы своего тела в место, где у меня не было ничего и никого.

— Посмотри на меня.

Я открыла глаза. Вокруг его головы показался ореол из света на фоне листвы, испещрённой солнечными лучами, и его взгляд на мне напоминал ласку твёрдого металла по мягкой плоти.

Он наклонился и прошептал, произнося слова, которые он всегда говорил, прежде чем трахнуть меня, посылая меня в место, где я отрекалась от всех тревог.

— Опустоши своё сердце, мой котёнок. Опустоши разум. Открой свои глаза. Кого ты видишь? — Он взял мой сосок пальцами и скрутил его.

— Тебя, — ахнула я.

— Ты опустошена?

— Да.

— Освободи своё тело для меня. Ты — моя. — Он приподнял мою правую ногу к своему бедру, и сказал: — Вспомни.

Чувствую запах сена и струганного дерева. Я тесно зажата между лошадьё и задней стенкой стойла. На подковах Снежка нет даже ржавого пятнышка, и это меня бесит. О нём заботились, как о любимом ребёнке, даже когда меня не было. Он ударил меня два года назад, и я ушла, сваливая вину на лошадь за то, что должен был знать наездник.

И вот я снова появляюсь так, словно моё место здесь, и он смотрит на меня, как будто чертовски хорошо знает, что я бросила его. Я ненавижу себя. Я — разочарование. Дезертир. Меня бросили за то, кто я, и я сделала то же самое с этим бедным малышом.

Сейчас ночь, абсурдное время, чтобы появиться здесь, надеясь, что мой ключ по-прежнему подходит, но куда ещё мне было идти? Кто ещё выдержит меня? Я должна была увидеть Снежка, и понять, примет ли он меня обратно. Должна была увидеть, примет ли меня хотя бы животное. И я хочу сделать что-то для него, чтобы отплатить за его неистовое обнюхивание. Я хочу ухаживать за ним и любить его. Щётки будет достаточно, но я могу прочесать его гриву ещё и руками. Хочу проехать дополнительную милю.

Однако его копыта почти идеальны. Он стар, очень избалован и нелюбим.

Мне нужно перестать плакать. Я не могу увидеть стрелки в копыте. Нож не наточен, но край острый, и я не хочу причинить лошади боль.

Мне нужно было перестать плакать. Дикон шептал мне «вспомни, вспомни, вспомни». Его член у моего входа, я была уверена, что кончу, как только он войдёт в меня.

— Фиона? Фиона Дрейзен?

Её голос удивляет и меня, и Снежка. Я вскакиваю с ножом, жеребец отступает и бьёт копытом.

— Кто ты? — спрашиваю я.

Ей едва ли есть двадцать, у неё длинные светлые волосы и мутные глаза. Джинсы, кардиган с молнией спереди; в своём наряде она кажется среднего роста, но я вижу в ней настойчивость, которая тревожит меня.

— Меня зовут Рейчел Демарест. Я хочу поговорить с тобой.

— О чём?

Она делает шаг вперёд.

— Я друг твоей семьи. Может быть, Джонатан говорил обо мне?

— Нет.

— Ну, мы встречаемся, так что... — Она накручивает на палец прядь волос. — А Тереза? Она не упоминала?

— Как твое имя, ещё раз?

— Рейчел. Боже, я чувствую себя так глупо. То есть, учитывая, который час и то, что ты никогда даже не слышала обо мне... Ты, должно быть, думаешь, что я какой-то сталкер.

— Ты хочешь фото, или что? — Может быть, если я сфотографируюсь с ней, она уйдёт, и я продолжу плавать в собственном дерьме.

— Нет. Я просто... Как же сказать? Эээ, я просто... Я встречалась с Терезой в доме твоей сестры. Шейлы, я имею в виду. Она устраивает рождественскую вечеринку, и мы помогаем всё обустроить. Это сразу возле воды, — она неопределённо машет рукой в

сторону запада, к берегу Ранчо Палос Вердес. — Так что, Тереза упомянула, что у тебя была лошадь в этой конюшне, которая, вроде бы, находилась как раз за холмом, а я подумывала о том, чтобы снова заняться верховой ездой, так что... Боже, это звучит просто ужасно.

— Как Тереза?

Девушка пожимает плечами.

— Ты знаешь, прекрасно.

Она не закатывает глаза, но её тон похож на то, словно она хочет это сделать, и я чувствую себя немного более комфортно с ней. Тереза и у меня вызывает желание закатить глаза.

— Красивая лошадь, — она подходит к Снежку, протягивает к нему руку и гладит по шее. — Он чистокровный?

Член Дикона скользнул в меня и обратно, пока я была привязана к дереву, его голос звучал у меня над ухом. Он снова и снова говорил мне, что всё в порядке, что он поможет мне. Я чувствовала его руки на своей талии, его бёдра поддерживали меня в воздухе, пульсация разгоралась между ног.

— Арабский.

Он был настолько хорош. Насколько совершенен. Он унял и успокоил всё.

— Безумно красивый.

— Девушка моего брата, да? Сожалею. Я не разговаривала с этим мелким ублюдком долгое время.

— Я скажу ублюдку, что ты передавала «привет».

Я слабо усмехнулась, отпуская кусочек моей печали и одиночества. Может быть, мне нужно больше времени проводить с друзьями. Может быть, это был способ забыть Дикона.

— Я думаю, что ты удивительна, — шепчет она так тихо, что я не знаю, разговаривает она со мной или с лошадью. — Ты такая сдержанная. Такая уверенная. Даже когда они приходят за тобой.

— Я не чувствую себя такой уверенной, — я сажусь и возвращаюсь к копыту Снежка.

Он фыркает и дёргается больше, чем до этого. Он не любит, когда возле него находятся двое. Он всегда таким был? Я даже не знаю.

— Эй, Рейчел, может тебе...

— Я думала, что могла бы быть кем-то вроде тебя.

— Просто сделай шаг назад, пока я не закончу, хорошо? Он пугливый.

Она делает, и Снежок немного успокаивается. Контроль у меня. Я держу его. Будучи такой опустошённой, как сейчас, я принимаю это за хороший знак.

— Я хотела вступить в Лигу Плюща, — говорит она. — У меня хорошие оценки. Ты знала, что тебе могут предоставить всевозможную финансовую помощь?

— Правда? — Я опускаю ногу жеребца вниз.

— Но я не могу получить ни одной. Мои родители зарабатывают много, но недостаточно, чтобы на самом деле платить за обучение. Разве это не смешно? И вот — мой парень, который мог бы оплатить обучение из своих карманных денег.

Мне нечего ей ответить. Я уже чувствую себя дерьмом. Кладу нож на крышку набора с

инструментами в то время, как убираю табурет. Проскальзываю мимо неё, прижимаясь спиной о бок Снежка в тесном стойле. В эту секунду, по её взгляду я знаю, что я могла бы взять её прямо там. Почему нет? Что теперь имеет значение? Вся эта боль может уйти на второй план, обвитая шелковистым коконом секса.

— *Господин. — Дикон трахал меня по полной, толкаясь к моему клитору. Я была белым вихрем удовольствия. — Я собираюсь кончить.*

— *Ты вспомнила?*

— *Нет, но...*

— *Тогда тебе не позволено.*

Я поцеловала её, потому что она здесь, а я — зависимая. Зависимым насрать. Зависимые переживают лишь о том, чтобы остановить собственную боль. Я засовываю свой язык в её рот и хватаю за волосы, дёргая их. Она целует меня в ответ, постанывая и толкая свои упругие сиськи мне навстречу. Я запускаю руку под её кардиган, задираю лифчик и пробегаю пальцем по соску. Она задыхается. Снежок суетится на месте.

— *Мы собираемся трахаться или что? — спрашиваю я.*

— *Я никогда...*

— *Не позволяла девушке обсосать твой клитор? О, милая, ты не можешь сказать, что тебя вылизывали и трахали пальцем, пока не сделаешь этого с женщиной. — Я сгибаю колено между её ногами, прижимаясь к её промежности.*

Она насаживается на меня.

— *Джонатан... Разве тебе плевать на него?*

Будучи так близко к её лицу, я вижу вспышку чего-то в её глазах. Чего-то меньшего, чем невинность. Чего-то более опытного, чем она себе позволяет. Я притворяюсь, что не увидела этого. Я не могу думать о её мотивах, потому что у меня есть потребность, и она удовлетворит её.

— *Он переживет это, — говорю я.*

— *Вспомни, котёнок. Я с тобой, — он был таким нежным.*

Я плакала и приближалась к краю. Плакала из-за неосторожной суки, которой я была и того факта, что я не чувствовала, что изменилась хоть каплю. Кто меня заслужил? Даже моя семья не заслуживала такой безрассудной шлюхи.

— *Прости меня, — сказала я, обращаясь по большей части ко всем, с кем я изменила Дикону.*

— *Ты прощена.*

Я дёргаю её джинсы вниз и проникаю пальцем в её киску. Она истекает влагой, и я знаю, как обходиться с этой скользкой плотью. Когда я касаюсь её клитора, она визжит. Контроль у меня. Эта сучка — моя. Я могу заставить её кудахтать, словно грёбаная курица или кончить по-королевски.

Я беру её за руку и кладу ладонь на свой живот, затем толкаю вниз.

— *Давай, прикоснись к ней. Она ощущается так же, как и твоя.*

Девушка закусывает губу и робко прикасается к моему клитору.

— *Вот так, — говорю я.*

Она выводит круги вокруг моей вершины, заставляя меня стонать. Я сгибаю палец, погружаясь в её лоно, и прижимаю ладонь к её бутону, скользя ею вперёд и назад. Она смотрит на меня из-под полуопущенных ресниц, открыв рот.

— *Не кончай,* — сказал Дикон.

— Не кончай, — говорю я.

— *Я не думаю, что я могу остановиться.*

— Я не могу остановить это.

— *Останься со мной, Фиона.*

— Останься со мной, Рейчел.

— Я...

— Я...

— *Я с тобой.*

— Я с тобой.

— Фиона? — слышу голос Дикона, а затем всё происходит очень быстро.

Рейчел кричит от удивления. Чувствую огромное давление на моей спине, когда Снежок брыкается. Голос Дикона. Громкий крик Рейчел, когда она отталкивает меня. Лошадь толкает меня обратно к ней. Дикон хватает уздечку. Нож у Рейчел, и я слышу её крик:

— Я тебя ненавижу! Я ненавижу всех вас! — Она делает резкий выпад к моему лицу, и я не могу пошевелиться. Лошадь и стены оказываются на моём пути. Я сдвигаюсь. Она промазывает, но я оказываюсь загнанной в угол. Дикон кричит что-то, что я не могу расслышать из-за ржания и грохота копыт Снежка.

Лошадь топчется на месте.

Я падаю.

Рейчел оказывается на мне.

— Он убьёт тебя. Твой брат. Твои соки повсюду на моей ладони.

Копыта лошади стучат вокруг меня. Они могли бы раздавить мою голову. Но Рейчел чертовски зла и она не знает.

— Вы все заплатите, — она смеется. Плачет.

Где Дикон?

Снежок теряет терпение.

Всё так громко.

Загон ходит ходуном, когда Снежок ударяет по стенкам задними копытами.

Нож для чистки копыт приближается к моему лицу рукоятью вниз.

Я откатываюсь, на дюйм уваливая от попадания им в мою голову.

Рейчел падает назад, тянясь когтями к моему лицу. Она снова хватается нож.

Я нахожу силу в ногах. Снежок брыкается задними копытами вправо, попадая по руке Рейчел, в которой она держит нож. Он выпадает. Я хватаю его, но я сбита с толку. Потому что Рейчел борется с Диконом, и я по-прежнему чувствую тяжёлую пульсацию у себя между ног. Она называет его жалким извращенцем. Рейчел разговаривает с Диконом. Он пытается бороться с ней так, чтобы не навредить, но мы находимся в крошечном пространстве с брыкающейся лошадью. Моё сексуальное возбуждение переходит в необузданный огонь, когда она бьёт его по лицу.

Он причинил мне боль. Выбросил меня и оставил сломанной, но он — мой. Она не смеет делать этого. Не может ударить его, потому что, когда она делает это, она угрожает мне, моей жизни, моей любви, моему миру.

И у меня есть нож. Он для выскабливания, а не для убийства, но рукоять крепко сжата в моей руке, и Рейчел должна отвалить нахрен от Дикона. Она словно дикая кошка. А он пытается схватить её за запястья.

— Фиона! — выкрикивает он.

Я не знаю, помочь ему или отвернуться, но я вскидываю руку с ножом, замахиваясь. Я понимаю, почему он выкрикивает моё имя, но уже слишком поздно. Снежок снова брыкается, превращая всё в хаос. Рейчел отталкивается в сторону, и нож прокладывает свой путь к груди Дикона. Я рефлекторно дёргаю руку назад. Кровь не проступает. Пока. Он выглядит просто как удивленный человек в разорванной рубашке.

Он не мой. Не мой мир. Он просто отрезал меня от себя, чтобы отправить дрейфовать в свободные воды бесконечной пустоты.

Чувствую прилив норадреналина и эндорфинов. Я — раба своего гнева и боли.

— Нахрен тебя! — Я бью его по груди, но у меня в руке нож.

Дикон отклоняется. Рана неглубокая, но я сделала это намеренно. Слышу свой крик.

Хоть Снежок, кажется, успокоился, несмотря ни на что, и Дикон сначала кажется ошеломлённым и шокированным, Рейчел до сих пор находится под действием чистого адреналина. Она толкает меня вниз, чтобы убраться из тесного загона.

Затем появляется кровь. Рот и глаза Дикона открыты, и они заполнены мной. Нож падает. Дверь захлопывается. Всё становится чёрным.

Я чувствовала, будто собиралась умереть.

Нет, не умереть.

Исчезнуть.

Словно моё существование вот-вот сожмётся в крохотную черную точку. Обычно я ныряю в беспмятство, но в этот раз этого не происходит. Я боялась этого оргазма, как не боялась ни одного из предыдущих, пока не услышала его голос.

— Кончи, милая. Я с тобой.

Глава 28.

ФИОНА

Дикон развязал меня и надел на меня кроссовки прежде, чем я присела на ствол дерева.

Казалось, позади осталось несколько часов, но прошло лишь двадцать минут, плюс пять для того, чтобы Дикон мог снять меня с дерева и ещё пять, чтобы я пересказала ему свою историю.

— Прости меня. Снова. Прости, — сказала я.

— Ты не хотела этого. Это был несчастный случай.

— Второй раз. Второй раз я ударила специально.

— Это была едва заметная царапина.

— Дикон...

Он приложил пальцы к моим губам. Мне нужно было, чтобы он заставил меня страдать, а не очертил рамки наказания. Нужно было корчиться от силы его злости. Нужно было почувствовать, словно я умираю. Только это можно было называть честной расплатой.

— Когда я веду переговоры с людьми, которые удерживают моих парней, мне приходится смотреть сквозь их злость, — ответил он. — Я должен увидеть их страдания. Если я не смогу увидеть душу того, кто видел, как его отца убивали или калечили, или если я не смогу воззвать к его слабости, я не смогу достучаться до них. Я остаюсь снаружи их разума. Но, чтобы понять их, мне нужно попасть к ним в душу, — он кладёт руку на сердце. — Когда ты нанесла второй удар, мне удалось пробраться к тебе в душу.

— Но те люди, с которыми ты ведёшь переговоры, и ты находишь их...

— Они не являются моим стимулом жить, — он встал и протянул мне руку. — Как только мои парни оказываются в безопасности, те люди становятся инструментом для передачи сообщения.

Я приняла его руку, и Дикон поднял меня на ноги.

— Так ты не собираешься поквитаться со мной?

— Никогда, — он приобнял меня рукой, и мы прошли к забору. — Твой отец. Она пыталась шантажировать его?

— Так сказали Тереза и Марджи.

— Думаю, ей нужна была одна из вас, чтобы заступиться за неё перед вашим отцом. Ей нужно было, чтобы ты сломалась.

— Но с нами этого не произошло, — ответила я.

— Не из-за неё, и не в тот раз. Но ты всего лишь человек. Все восьмеро из вас. В один день ты сломаешься. Но не из-за меня. Так что я не говорил никому про ту девушку, пока у меня не было всей картины.

— Думаю, Джонатан сломается, если узнает.

— Я не скажу ему.

— В любом случае, я знаю, как ты относишься к копам. Но теперь она мертва. Это всё равно не поможет.

Мы шли к забору, и он приоткрыл отверстие для меня. Я пролезла через него, словно другим человеком — очищенным. Я была женщиной, которая стала если не безгрешной, то смыла с себя самые затаённые грехи.

В саду было тихо. Нас никто не нашёл. Марк довёл своё задание до конца. Мы с Диконом вернулись в сад, а затем в лобби. Его время посещения истекло.

— Дикон, я хочу кое-что сказать.

— Значит, скажи.

— Я люблю тебя, — произнесла я.

— Я знаю.

— Не уверена, является ли это тем, чего я хочу. Тем, что у нас есть. Не знаю. Я не хочу потерять тебя, но не могу привязать, если не знаю.

Он прикоснулся большим пальцем к моему подбородку.

— То, что у нас есть является именно тем, что тебе нужно. С тобой никак по-другому не получится. Мы собираем друг друга по кусочкам.

— Я не хочу быть сломленной.

Он покачал головой.

— Тебе не нужно выбирать. Ты можешь позволить мне оберегать тебя, и я сделаю это, Фиона. Если ты останешься со мной, я встану между тобой и тем, то тебя ждёт. Я буду твоим защитником и ангелом мщения.

Когда он ушёл, я из окна наблюдала, как отъезжал его чёрный автомобиль, и задавалась вопросом, смогу ли я справиться без него. Он не соберёт меня по осколкам. Не сделает меня цельной. Он взял куски сломленной меня и дал цель трещинам между ними. Кем я была без этого? Я содрогнулась в страхе от этой мысли. Без него я буду дрейфовать, останусь маленькой шляпкой в океане, но пока я не встречу лицом к лицу с этим одиноким пространством, я никогда не найду берег.

Глава 29.

ФИОНА

Свет включили.

Руки болели от связывания, и ссадины от шнурков немного пульсировали. Я не хотела прикасаться к себе. Мой клитор, наконец, успокоился.

Я оставила дверь в ванной немного приоткрытой. Подумала, что стоит закрыть её, иначе шум спускаемой по трубам воды не даст мне уснуть. Я забыла принять «Гальцион». Подумала, что должна встать и проглотить таблетку. Утром у меня встреча с Эллиотом. Нам предстоит поговорить о том, была ли готова я уйти отсюда, или хотела отдохнуть. Я закрыла глаза и подумала о конюшне, о девушке Джонатана, о поцелуях и драке с женщиной, которую я никогда ранее не встречала и не знала, что она принадлежит ему.

Это была старая я.

Новая я больше не будет делать подобных вещей.

Кто-то из соседей спустил воду в туалете. Трубы засвистели. Я подумала о том, чтобы встать и закрыть дверь в ванную, но спала уже прежде, чем могла это сделать.

Глава 30.

ЭЛЛИОТ

Она выглядела отдохнувшей. Глаза горели знанием, но в выражении лица была тревога и настороженность. Вот какой эффект на неё оказывал Дикон. Как бы сильно я ни хотел ненавидеть его за то, как он прикасался к ней, или злиться за то, что Дикон имел то, чего хотел я, изменения в её поведении нельзя было игнорировать.

— Я видел, как вы ушли в сторону леса, — сказал я. — Вы должны были оставаться в поле зрения.

Фиона с трудом сглотнула.

— Почему вы не подняли тревогу или не сделали что-нибудь?

— Это ничего бы не дало.

— Как будто всю мою жизнь было иначе, — сказала она. — Разве не всегда люди держали меня подальше от последствий моих действий?

— Ты хочешь знать последствия твоего вчерашнего поступка?

— Мне придётся остаться здесь.

— Нет. Тебя вышвырнут.

Она рассмеялась и поёрзала в своём кресле.

Я продолжил:

— После встречи с Диконом мне стало ясно, что он не навредит тебе. Я не думаю, что он станет подвергать себя ситуации, где ты могла бы снова причинить ему боль.

Что лишь отчасти было правдой. Я знал, что никто не пострадает. Но я ревновал. Кипел. Если бы я послал кого-то за ними, это не обнаружило бы ничего, кроме моей ревности. Я не мог позволить этому случиться. Я всё ещё был её терапевтом.

— Спасибо, — произнесла Фиона.

— Ты не причинила ему боли, и он не причинил боли тебе. Так что, держать тебя подальше от Дикона нет оснований. Ты в своём уме и достаточно стабильна, чтобы встретиться с допросом. Я не думаю, что мы имеем право наблюдать тебя далее.

Я должен чувствовать облегчение, или, по крайней мере, удовлетворение, но я сбит с толку.

— Когда я уезжаю?

— Я должен разобраться с некоторыми документами, но, вероятнее всего, через день.

Я оценил её реакцию и увидел удивление, а не страх. Это хороший знак.

— Ты в порядке? — спросил я.

— Думаю, да.

— Ты выглядишь немного шокированной.

— Я боюсь уходить отсюда. Боюсь камер и своей семьи, и, если честно, я боюсь себя. Я не знаю, что буду делать, но я должна решить, стоит ли мне возвращаться на Манди. В данный момент думаю, что нет. Мне нужно взять под контроль свою жизнь, а Дикон был опорой. Когда он уезжал, опорой становился его дом. Теперь я понимаю, почему люди хотят остаться здесь.

— Тебе, думаю, стоит продолжить терапию, — сказал я.

— Да. Но я не живу в Комптоне.

— Я больше не могу быть твоим терапевтом.

— Почему? — Она выпрямилась, и её голос сорвался на октаву выше. Ей было больно.

Я не собирался причинять ей боль.

— Потому что я не занимаюсь частной практикой.

Потому что я не могу смотреть на тебя.

Потому что всё, чего я хочу, это прикоснуться к тебе.

Потому что я хочу выследить и убить каждого, кто когда-либо навредил тебе.

Потому что твоё исцеление для меня слишком личное.

Потому что я влюблюсь в тебя.

— Я больше ни с кем не хочу разговаривать, — ответила она.

— Я порекомендую того, кто тебе понравится, — я встал, застёгивая пиджак. — Дай себе некоторое время после того, как выйдешь, прежде чем решить продолжить терапию. Но не слишком много.

— Конечно, — сказала она, вставая.

Мы вместе направились к двери, и я потянулся к ручке. Мы делали это каждый раз, но этот был последний, и я не спешил открывать дверь. Фиона подошла ко мне ближе.

— Фиона, — я произнёс её имя, будто переходил в другое место, другое состояние, где слова были теплее, и то, что я чувствовал, не нужно было скрывать от всех.

— Да?

Мне пришлось сжать губы, прикусить их зубами, чтобы не сболтнуть глупость. Я разжал их только, когда что-то разумное было готово скатиться с моего языка.

— Мне понравилось работать с тобой.

— Вы знаете, что я чувствую, — ответила она.

В её голосе... мне послышалось то же самое тепло? Если да, имело ли это значение?

— Думаю, что да, но я просто...

Заткнись.

Её рука дёрнулась к кончикам её рыжих волос. Когда они упали назад, рефлекс появился просто из моего паразитического мозга.

Я поймал её ладонь.

Какого чёрта ты делаешь?

Её пальцы покоились на моих, а своим большим пальцем я...

Не делай этого...

...коснулся кончиков её пальцев.

Ты злоупотребляешь её доверием.

Я перевёл взгляд от её рук к лицу. Её глаза блуждали, а губы были приоткрыты. Она не двигалась, когда я наклонился ближе, как корабль, накренившийся под властью волн. Если бы я поцеловал её сейчас...

Твоей карьере конец.

Она бы приоткрыла рот, и наши языки соприкоснулись бы. Я бы попробовал её. Почувствовал бы её тепло. Я хотел Фиону. Хотел больше, чем свою карьеру. Я прикоснулся своим носом к её и поймал её дыхание. Она была здесь для этого. Она хотела меня.

Она, вероятно, вернётся к Дикону.

Я закрыл рот и отклонился, чтобы убрать от неё свои губы и поцелуй куда подальше.

— Прости, — я отпустил её руку.

— Всё нормально.

— Нет, это не нормально.

— В тот день, когда вы сказали мне использовать другие слова, чтобы описать меня, вы забыли одно.

— Правда? Какое?

— Неукротимая.

ФИОНА

Я побежала так быстро, как могла в этих дурацких туфлях. Я уезжала отсюда, и даже с тем страхом, который я ощущала, мою радость от свободы трудно было сдержать.

И был Эллиот. Был тот момент. Его большой палец на моей коже. Его рот так близко к моему, что, дёрнись я, и коснулась бы его губ.

Он не останется со мной. Не захочет снова подойти ко мне, разве что его жизнь будет зависеть от этого. Я знала это. Но я также знала, что обычный мужчина с простыми желаниями, который хотел нормальную жизнь, может когда-нибудь найти привлекательным кого-то вроде меня. Вот здесь и открылась трещина, дав волю потоку возможностей.

Я едва смогла остановиться перед комнатой Карен. Обнаружив, что её там нет, я проверила комнату отдыха наверху. Джонатан играл в пинг-понг с Уорреном, как будто это был контактный спорт с высокими ставками.

— Джон! Я завтра уезжаю!

— Слава богу, — сказал он под *стук...щёлк...стук*. — Мне осточертело лицезреть тебя здесь.

Я собиралась спуститься в столовую, когда увидела машину скорой помощи на улице.

— Что случилось? Там на подъездной дорожке парамедики?

Уоррен не пропустил удар.

— У Карен был сердечный приступ.

Джонатан поймал шарик на середине стола.

— Что? Как?

Уоррен пожал плечами, но я очень хорошо знала, что, чёрт побери, случилось. Она взяла таблетки у него, чтобы подавить свой аппетит, и сердце не выдержало. Я уставилась на Уоррена, а он усмехнулся и пожал плечами. Джонатан присоединился ко мне возле окна.

— Дерьмо, — пробормотал он.

Я побежала вниз по лестнице. Толпа стояла у двери в столовую, но, шляясь по клубам всю свою жизнь, я едва ли могла назвать это помехой, и мне было всё равно, кого я разозлила.

Марк задержал меня.

— Остановись. Если ты не член группы быстрого реагирования, ты остаёшься на этой стороне линии.

У него за спиной шестеро парамедиков подняли Карен на каталку.

Я оттолкнула Марка в сторону и побежала к ней.

— Карен!

Я не знала, слышала ли она меня. Трубки тянулись от её лица и руки, а голову поддерживал белый ортопедический воротник. Меня схватили чужие руки. Я сбросила их с себя, чтобы добраться до Карен, и чтобы она увидела меня. Её глаза были полузакрыты, но в них сквозила тревога.

— Мы останемся друзьями за пределами этого места. Ты поняла?

Карен моргнула. Она услышала меня. Марк подошёл сзади и заломил руки мне за спину.

— Хорошо, хорошо! — крикнула я. — Всё в порядке. Я ухожу.

Я стояла с поднятыми вверх руками совершенно неподвижно, и Марк сделал шаг назад, чтобы дать мне пройти.

Глава 32.

ЭЛЛИОТ

Дом. Жилище, которое я купил под влиянием финансового оптимизма во время экономического кризиса. Последний кусочек удачи, который мне когда-либо подворачивался.

Свет не горел, но Джана была дома. Её автомобиль стоял на подъездной дорожке, и я увидел тусклое мерцание камина через занавески.

Я почти поцеловал Фиону Дрейзен в своём кабинете. Быстрый поток мыслей проносился через меня: сумбурные оправдания, самоконтроль и подавляющее чувство вины.

Я бросил свою сумку у двери и прошёл в гостиную. Джана стояла перед камином, её короткий шёлковый халат прикрывал грудь, словно светло-розовый сироп на ванильном мороженом с фруктами. Руки опущены, кончики пальцев плотно прижаты друг к другу, большие пальцы скрещены.

— Привет, — произнесла она.

— Привет.

— Как прошёл твой день?

— Прекрасно. Твой?

— Прости, — выпалила она. — За то, что обвинила тебя. Но ты отдалился, и я подумала в этом направлении.

Я подошёл к ней, подняв руку над её грудью, но не прикоснулся. Если я опущу ладонь, то почувствую вершину её возбуждённого соска под шёлком. Я бы прошёлся рукой вниз по ткани, пока не добрался бы до подола, затем я бы направился вверх и выяснил, что под этим халатиком.

— И ты меня прости, — сказал я. — Ты права. Я отдалился.

Я не опустил руку. Если бы я признался, что думал о другой женщине, тот факт, что я на самом деле никогда не прикасался к ней, был бы совершенно неважным. Я изменял эмоционально. Если бы я сказал это Джане, как глубоко это ранило бы её, стоящую здесь в своём розовом шёлке перед пылающим огнём камина?

Если бы я прикоснулся к её груди, я бы трахнул её, и сделал это жёстко. Я бы думал о Фионе, а это неправильно. Джана надевала этот халатик в тяжёлые для неё времена. Я не мог взять её с чистой совестью, и я не мог отказаться, не расставшись с ней.

Я сунул руки в карманы.

Она сглотнула.

— Есть кто-то ещё.

— Нет, но...

— Но что?

— Но, вполне вероятно, может быть.

Было ли это жестоко? Был ли более простой способ сделать это? Существовало ли когда-нибудь хорошее время рассказать кому-то, что ваше сердце долгое время искало пристанище, и о том факте, что то, что оно нашло его в ком-то недостижимом, не излечивало от несчастья?

— Что это значит? — её нижняя губа задрожала.

Я хотел забрать свои слова обратно, трахнуть её до потери сознания и порвать с ней позже, во время удобной маленькой ссоры, которую я инициирую. Но это будет поступок труса, не так ли?

— Прости.

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

— Ты красивая женщина. Ты умная и заботливая, и... Дело не в тебе, это...

Пощёчина привела меня в чувство. Среди всех её хороших качеств, я не рассчитывал на левый хук.

— Ты — долбанутый придурок, — сказала она, тыча пальцем мне в грудь. — Ты — никчёмный. Тебе не удалось сохранить работу с тех пор, как ты ушёл из своего праведного комитета. Ты не говоришь об этом. Ты ни о чём не рассказываешь. Ты всего лишь начинаешь свои тупые грязные разговоры. Ты шлёпаешь мой зад в ванной и ожидаешь о меня... чего? Что я буду наслаждаться этим? А теперь у тебя хватает наглости говорить мне, что я красивая? Это что? Такая прелюдия перед расставанием?

Я заметил, что её соски больше не были напряжёнными вершинами под тканью халата. Мы делали это прямо здесь и сейчас. Расставались. Это было верным решением и единственной вещью, которая ощущалась чертовски правильно.

— Мне жаль.

— Ну, угадай, что? Может, я не заинтересована в парне, который будет приносить домой только ложь. Может, я не собираюсь позволять своим детям слышать, как ты говоришь, какие грязные вещи сделаешь с моей киской возле холодильника. Ты изменился, Эллиот. Я не знаю, является ли это каким-то неудачным периодом, но ты не тот, что был прежде.

— А ты — всё та же, — я попытался остановиться. — Ты — всё такой же закрытый напуганный ребёнок.

— Ты злишься, потому что не смог исправить меня. Это не мой провал, а твой.

Всё, что нам нужно было высказать друг другу, мы только что произнесли вслух, но это будет длиться всю ночь. Начальная стадия далась легче благодаря доле неконтролируемого гнева.

Джана вылетела в ванную, хлопнув дверью. Я направил взгляд в потолок, руки так и покоились в карманах. Она была права во всём, но и я тоже. Ни одна из помех между нами не была непреодолимой. Мы могли бы поработать над этим, остаться вместе и обрести свой хэппи-энд. Но я не хотел взбираться на эту гору. Подъём казался долгим и тернистым, а его высота закрывала вид, который я не хотел лицезреть.

Я пошевелил дрова в камине, подвинув полено, чтобы оно сгорело быстрее остальных. Внутри зарождалось плохое предчувствие от того, что я должен был сделать, но я был честен. Еще немного постоял у камина, затем повесил кочергу на место и отправился в спальню сделать то, что стоило сделать месяцы назад.

Глава 33.

ФИОНА

Я вернулась с завтрака сонная и удовлетворённая после ночи без «Гальциона». Я уезжала. Ещё несколько часов, и я буду свободна. Свободна, чтобы разобраться со всем этим дерьмом в своей семье. Со своим отцом и его наклонностями. Со своей матерью и её постоянными ужасами. С мёртвой девушкой своего брата. С прессой.

Дикон.

Я больше не появлюсь на Манди. Это место было прочитанной главой моей жизни, но настало время двигаться дальше и брать контроль над собой, своими желаниями и мечтами. В планах было сосредоточиться на верховой езде. Может, возьмусь обучать ещё одну лошадь, или стану тренером. Я не могла сделать этого, пока Дикон позволял мне жить жизнью, в которой главной была моя вагина. Когда у руля была она, все остальные жизненные желания затмевались.

— Эй, — позвал Марк. — Ты мне должна. У меня десять минут.

— Ты знаешь, что здесь у меня нет денег.

— Я не о деньгах.

Я закатила глаза.

— Хорошо. Давай покончим с этим.

Пока я стояла на коленях с его членом у себя в горле, слушая его ругань, я как-будто одерживала верх. Как только я выберусь из Вестонвуда, я больше не стану заключать подобного рода сделки. Минеты были лишь разменной монетой. Я могу сказать «нет», как нормальная девушка, и найти другой способ заплатить за то, что мне нужно.

Марку не понравится тот факт, что он будет последним незнакомцем, который схватил мои волосы, чтобы кончить мне на лицо. Всё в порядке. Ему не нужно знать. А мне необходимо. Я возьму под контроль хаос в своей жизни.

Стерев его сперму со своего века, я посмотрела на отражение в зеркале: на королеву своих владений, госпожу её собственной галактики.

Глава 34.

ФИОНА

Двор никогда не казался таким огромным, как сейчас, когда я не могла найти своего брата.

— Уоррен, — позвала я, приближаясь к небольшой группе парней, — ты видел Джонатана?

Он осмотрел меня с ног до головы, будто оценивая меня как кого угодно, только не девушку, которая ищет родного брата.

— Я думаю, что он пошёл за ворота покурить. Давай, мы ещё можем догнать его.

Я пошла вслед за ним за деревья.

— Итак, — сказал он, — я слышал, что ты выходишь сегодня?

— Да, мне просто нужно сбегать наверх и переодеться. Я хотела поймать его до второго сеанса.

— Он где-то недалеко, — Уоррен приподнял цепь для меня.

— Эй, — сказала я с другой стороны, — ты можешь помочь мне его найти? Убедиться,

что он не съехал с катушек из-за глупого дерьма?

Он проскользнул за мной.

— Конечно. С ним всё будет в порядке, с твоим мальчиком.

— Да, надеюсь на это, — я пошла дальше, оглядываясь вокруг в поисках мальчика, о котором говорил так странно Уоррен, будто его не было рядом. — Я не вижу его, — я обогнула ручей. — Может, он вернулся в свою комнату?

— Джонни!!! — крикнул Уоррен, опережая меня. — Как дела с «Гальционом»? — спросил он, тут же повернувшись ко мне.

— Отлично, — я последовала за ним. — Спасибо за него.

— Хорошо, — он обнял меня. — Знаешь, ты должна мне за то дерьмо.

— Сколько тебе нужно?

— У меня есть деньги, — он посмотрел на мой рот и прошёлся взглядом вниз по моей рубашке, облизав языком свою верхнюю губу.

Дерьмо.

— Уоррен, я не заинтересована в такого рода обмене. Ты можешь придумать что-нибудь другое?

— Конечно, — он провёл пальцем по моим волосам.

Я убрала его руку со своей талии и отклонилась.

Он схватил меня за волосы, сжав ладонь в кулак, и заставил меня встать на колени.

— Я могу придумать кое-что другое, но это не то, чего я *хочу*, понятно?

— Больно! Уоррен! Остановись!

Он толкнул меня на землю, и я упала щекой на слой мокрых листьев и камней. Я попыталась приподняться на руках, но он использовал мой рывок вперёд, чтобы снять с меня штаны, стянув их мне до икр. Я закричала, но крик прозвучал больше как хрип, потому что воздух был выбит из моих лёгких. Он обрушился на меня своим весом и закрыл рот рукой.

— Кричи, — ему тоже не хватало дыхания, пока он одной рукой закрывал мне рот, а второй вытаскивал свой член. — Может, твой брат и объявится, но развернётся и уйдёт, как только увидит, как его сестре засаживают в зад. Выйдешь ли ты сегодня отсюда? За каким занятием тебя здесь застукают?

Тряся головой, я ощущала плоть его головки на заднице.

— Нет, — промычала я в его руку.

— Я не хочу слышать этого. Не от тебя. Тебя так часто трахали в задницу в Оджаве, что я поверить не могу, что ты ещё способна сидеть. Я уберу руку. Ты закричишь, и я скажу всем, что ты хотела этого. Мне ничего не будет, если мне придётся остаться.

Кончиками пальцев я впиалась в мягкую землю. Я уже чувствовала пот на ягодицах от того, что была тесно прижата к нему.

— Я убираю руку, — сказал он.

Я застонала, не соглашаясь ни с чем. Уоррен соскользнул ладонью с моих губ.

— Пожалуйста, не надо, — сказала я.

— Есть дерьмо, за которое папочка заплатить не может, — он разместил свой член между моих ягодиц. Я попыталась отодвинуться, но он дёрнул меня за волосы назад. — Лежи смиренно и прими его, мелкая шлюха.

Уоррен ринулся вперёд, но не попал в мой анус. Не утратив напора, он поправил себя и толкнулся в меня сильнее. Моё лицо исказилось от боли. Покатились слёзы. Воздух полностью покинул лёгкие.

— О, а ты слишком узкая для шляхи.

— Уоррен, мне больно. Пожалуйста. Смажь меня как-то. Боже, блядь.

Он вышел из меня и вдолбился снова.

— Мне нравится на сухую.

Он дёрнул мои бёдра вверх. Я плакала, когда он входил в меня снова и снова.

— Я ненавижу тебя, — зарычала я сквозь слёзы. — Я доберусь до тебя и отомщу за это, ты, ебанутый урод. — Моё лицо находилось в дюймах от земли, так что теплое дыхание рикошетило от листьев.

Под листком проползла гусеница. Обняв своим тельцем край листка, она сжалась и медленно выпустила зубы, чтобы начать его есть.

— Сколько «Гальциона» попало в твою кровь? — он безжалостно вколачивался, разрывая мой анус. — Это — моё. Я заплатил за это, ты, грёбаная маленькая шляха. Да, прими всё это. Тебе нравится, когда тебя трахают в задницу вот так. Все шляхи хотят член в свою задницу. Скажи это.

— Нет! — нахрен его. Он не получит моего согласия. Ни на что. Ни на одно движение.

Он сжал рукой моё горло.

— Я недостаточно твёрдый для тебя?

Уоррен усилил свою хватку, и зрение по краям потускнело, пока он вколачивался членом в меня сзади. В точке оставшегося света я видела лишь гусеницу, которая проедала себе путь через листок. В центре своей боли я ждала, пока эта гусеница не обретёт крылья и не улетит прочь отсюда.

Глава 35.

ЭЛЛИОТ

Прямо перед ланчем я думал о Фионе. Думал о том, где она была в день своего отъезда, как она доберётся домой, где находится этот дом, и кто заберёт её. Я думал о ней, пока ел свой сэндвич, и отложил его не потому что наелся, а потому что у него был отвратительный вкус.

Мне не давала покоя наша последняя встреча. После того, как я рассказал Ли о нашей бесконечной ночи с Джаной, о том, как мы обсудили эмоциональные части нашего разрыва, я упомянул то, что чуть не поцеловал Фиону.

— Ты шутишь, — сказала она, побледнев.

— Чуть не поцеловал, но мы не сделали этого.

— *Мы?* Нет, нет, не перекладывай это на своего пациента, если ты...

— Она взрослая женщина.

— ...явно пересёк черту...

— Ничего не случилось.

— ...пользуясь её...

— Хватит, Ли. Она уезжает. Это конец. Я больше никогда её не увижу.

Она стукнула ладонями по столу.

— Не сбрасывай с себя ответственность. Я потрясена, даже в шоке от того, что

происходит.

— Ты теряешь свою профессиональную выдержку.

— Я переживаю за неё. И меня тошнит от того факта, что ты находишься рядом и жалко, неловко извиняешься за абсолютно неприемлемое поведение. Я знаю, что я — твой терапевт. Я должна сидеть здесь и задавать тебе вопросы о том, как ты себя чувствуешь, — её лицо покраснело, кулаки сжались, а её нерождённый ребёнок получил четырёхкратную дозу кортизола (прим. пер.: при стрессе у беременной женщины повышается уровень кортизола в крови, что может негативно сказаться на плоде). — Я в ярости от имени всего состава психиатрического учреждения.

— Тогда нахер всё психиатрическое учреждение.

Я вышел от неё в бешенстве, ничего не видя вокруг себя, открыл дверь своей машины, сел внутрь и свернул налево, выехав со стоянки. Затем направо. Снова направо. Налево. Прямо. За угол, к Алондре, где я сел со своим сэндвичем, задаваясь вопросом: что делала Фиона в свой последний час перед отъездом.

Я не видел её. Ли была права, даже если высказалась непрофессионально. Между терапевтом и пациентом складываются отношения, основывающиеся на власти терапевта. Используя эту власть не по назначению, я сломал стену, которая была возведена по одной причине. По весомой причине.

Я смял обёртку и сказал себе, что больше не увижусь с Фионой. Я вышел из обеденной комнаты, чтобы сделать бумажную работу, которую нужно было закончить прежде, чем я вернусь в свой пустой дом.

Некоторое время спустя, отложив законченные документы, я сел в машину. Обычно я ехал домой. Я был слишком потерян, чтобы складывать связные предложения для страховых компаний и правительственных агентств. По факту, сворачивая по 110 на юг вместо севера, я не думал, что когда-нибудь смогу сделать это.

Я направился на запад к выезду, дальше к ранчо Палос Вердес с их эксклюзивными анклавами для лошадей и пони, поместьями адвокатов, домами актёров, разветвляющимися дорогами вокруг заповедников, и конечно же, учреждениями для душевно нестабильных людей из самых богатых слоёв общества. Я думал, что смогу заниматься лучшим делом, чем заполнять бумажки. Намного лучшим.

До тех пор, пока смогу держаться подальше от пациентов.

Глава 36.

ФИОНА

Мне нельзя было плакать.

Если бы заплакала, то не смогла бы остановиться. Они бы увидели и спросили меня, в чём дело, а это было бы рискованно.

Если бы я заплакала и мне удалось остановиться, у меня были бы опухшие глаза, и они бы спросили меня, в чём дело. Затем, вы знаете, что было бы дальше.

Так что я не плакала. Я опустила голову и прошла в свою комнату, улыбаясь всем, кого знала. Я не медлила. Вела себя так, словно мне нужно было пописать. Словно я вернулась бы через минуту, чтобы попрощаться. Всё болело, словно меня постоянно пинали по заднице, и,

чёрт меня дерит, если я не чувствовала, как кровь стекает по моей ноге.

Но нахер это. Может, я спешила, потому что у меня начались месячные.

Правильно?

Я добралась до своей комнаты и закрыла дверь ванной за собой. *Не плачь, мать твою, или ты не выберешься отсюда.*

Мне нужно было дышать. Просто дышать.

Уоррен вышел из моей задницы, и ударил меня по ягодице. Его слова:

— Спасибо, Фиона, — словно то, что я только что сотни раз говорила ему «нет», дополнит эту фантазию.

— Отъебись, Уоррен.

— О, да ладно, — он заправил свой член обратно в брюки. — Ты бесишься без причины.

На тот момент я стояла на коленях, штаны были спущены до лодыжек, и рубашка спереди была заляпана листьями и грязью. Когда я посмотрела на него, я подумала о том, что сделаю с ним, когда выйду отсюда. И улыбнулась.

Краска сошла с его лица.

Когда я забралась в душ, я держала в своей памяти только это. Я вымылась. С мылом. Мочалкой. Оттирая лицо. Выдраивая, соскабливая.

Не думай об этом.

Задница болела внутри и снаружи. Появились следы от сдавливания на шее. Я могла думать только об этом. Могла чувствовать только это.

Но моя уязвимость? Моя мораль? Мои жалкие, беспомощные хныканья? Я не стану думать о том, что произошло, пока не выйду отсюда.

Не знаю, что я планировала сделать с Уорреном, но я возьму это под контроль. Я не позволю эмоциям этого момента диктовать план.

— Эй, — позвал Джонатан, когда я вошла в холл вниз.

— Я тебя искала, — ответила я.

— Уоррен мне сказал.

Я сглотнула. Я была раздражённой, резкой, и в одном шаге от того, чтобы разреветься, но если бы я сказала Джонатану, он выбил бы дерьмо из ублюдочного насильника-психа. Затем Джон застрял бы в Вестонвуде, и Уоррена бы пожалели. Так совершенно не пойдёт.

— Хорошо, — сказала я. — Марджи меня заберёт. Хочешь поздороваться с ней?

— Не-а. Нужно бежать, — он осмотрел меня с ног до головы. — С тобой всё в порядке?

— В порядке

— Уверена? Я видел, как Уоррен выходил из леска сразу за тобой.

— Мне нужно идти, — когда я подошла к нему, чтобы обнять, он схватил меня за челюсть. Я оттолкнула его. — Какая тебе разница?

— На твоей шее красные отметины.

— Это фигня. Боже, за ушами было грязно. Пришлось потереть сильнее.

Он не поверил мне. Это было написано на его лице. Джонатан поднял руку вверх.

— Я открываю клятву.

— Не, не открываешь, — я шлёпнула его по руке. Если бы он попросил меня ещё раз, я бы рассказала ему не только об Уоррене, но и Рейчел, и мы бы оба слетели с катушек. Нет, просто нет. Мне нужно было продержаться ещё сраных пять минут. И я не хотела провалиться.

— Мне не нравится тот чувак, — прорычал Джон. — Он продолжает болтать об отце,

словно это шутка.

— Игнорируй его.

— Я набью ему морду.

— Не надо, Джон. Ты был прав, — я сжала руку на его плече. Парень был таким высоким, таким похожим на мужчину со своими бритыми висками и грубоватыми линиями. — Прикуси язык. Не делай ничего, что поставит тебя в ситуацию, контроль над которой ты не в силах держать. Ты слышишь меня?

В его зелёных глазах что-то мелькнуло — осознание правды, искренность со мной, а этого никогда не было прежде.

— Ты слышишь меня? — повторила я.

— Я не стану этого делать.

— Станешь. Ты должен. Запри это. Думай. Планируй. Сможешь это сделать? Сможешь стать всем, чем не удалось стать мне?

— Ты чокнутая, ты знаешь это? — слова были искажены из-за его ломающегося голоса.

Я обняла его так сильно, что, думала, мы не разъединимся.

* * *

Я сидела за столом в конференц-зале, притворяясь, что у меня ничего не болит. Я сконцентрировалась на каждом вдохе и желании просто убраться отсюда. Марджи просмотрела бумаги. Одобрив их, она подвинула их мне для подписи.

— Этот документ подтверждает, что ты не имеешь жалоб к Вестонвуду, — сказала она.

Подписано.

— Этот, — произнесла Марджи, — соглашение о конфиденциальности. Ты не станешь раскрывать их методы лечения или имена любых пациентов, которых здесь встретила.

Подписано.

Френсис подвинула новые бумаги. Марджи просмотрела их, иногда спрашивая то одно, то другое, и передала их мне, указывая на маленькие галочки, на которых я должна была нацарапать своё имя. Я улыбалась на протяжении всего процесса, даже если это убивало меня.

— Я подгоню машину, — сказала Марджи, когда я со всем покончила.

Я насчитала шесть диванов в лобби, но я не сидела ни на одном из них. Я понятия не имела, что буду делать, когда Марджи пригонит машину, но я буду свободна. Я обрету контроль над всем.

Френсис поспешила через стеклянную дверь.

— Фиона.

— Да?

Она передала мне больничную карту.

— Я забыла эту выписку.

— О, ладно, — я посмотрела на место, где должна была поставить подпись, но все казалось в тумане.

— С тобой всё в порядке? — спросила она, указывая на линию в самом низу страницы.

— Волнуюсь перед отъездом.

Подписано.

— Хорошей поездки домой, Фиона.

— Спасибо.

Она тут же ушла. Я посмотрела на дверь. Эллиот — силуэт на дневном свете — открыл её и вошёл в здание. Моё сердце остановилось.

Я могла быть с ним. Пришлось бы немного постараться, набраться побольше терпения, но я могла бы стать настолько идеальной, моногамной, простой девушкой. Я могла изменить свою жизнь полностью. Я сжала губы, когда он подошёл ко мне. *Я могла бы принадлежать ему.*

Но не в моих силах это сделать.

Как я могла сотворить с ним такое? Я была шлюхой. Девушкой, которая продала бы свою задницу за пару таблеток. Даже если я понимала это головой, не моей виной было то, что Уоррен оказался куском дерьма. Другая часть меня молила измениться. Я была бесполезным куском дерьма, и даже если я закрыла доступ к своим мечтам до конца жизни, тот факт, что вместо сердца я думала вагиной, было не изменить.

— Привет, — сказала я.

— Привет, — ответил он. — Я был неподалеку. Тебя подбросить домой?

Он не побрился, и смотрелся диковатым и выбившимся из колеи. Он выглядел так славно, так реально, как шанс на другую жизнь, к которой я была готова.

— Всё в порядке. И спасибо, — я не могла вытерпеть больше ни секунды. Пройдя к двери, сдерживаясь, чтобы не обернуться на него.

Я приблизилась к двери и почувствовала его за спиной. Рука Эллиота опустилась на мою в тот момент, когда я взялась за ручку. BMW Марджи выезжал из-за угла. Мне пришлось высматривать его вдали.

— Фиона, послушай, — прошептал он.

— Я не могу, Эллиот. Не могу. Я разрушу тебя. Это неправильно, — я толкнула дверь от себя.

Марджи остановилась, словно знала момент, когда нужно это сделать, чтобы мне не пришлось ждать ни секунды больше. Когда я сделала шаг по бетонной дорожке к ней, я увидела что-то в двадцати футах справа, чего не видела из-за двери. Черный Рендж Ровер и мужчину в угольно чёрном пиджаке, стоящего рядом с ним.

Дикон.

Тогда мне стало ясно. С ним у меня было всё, что мне нужно было в этом мире, и он пришёл ко мне, как и обещал, как и всегда приходил. Он защищал меня, любил, работал с той, кем я была, вместо того, чтобы попытаться сделать из меня нечто, чем я никогда не буду.

Я помахала Марджи и прошла мимо неё. Я знала, что Эллиот был у меня за спиной, и знала, что он видел, как я приближаюсь к Рендж Роверу.

— Господин, — сказала я, опуская взгляд вниз.

— Моя девочка.

— Я могу поехать с вами?

— Будут правила. Ты понимаешь это?

— Да, сэр.

— И последствия. Этого не случится снова.

— Я понимаю.

Он приподнял мой подбородок.

— Посмотри на меня, котёнок.

Я сделала, как он попросил, и почувствовала себя в безопасности. Дикон не позволит чему-либо случиться со мной.

— Кого ты видишь? — спросил он.

— Своего Господина.

— Я держу тебя, милая, — он крепко сжал мой подбородок. — Я держу тебя.

Когда я села в машину, то посмотрела на Эллиота, стоящего перед зданием с руками в карманах. Они с Диконом обменялись взглядами, когда мой Господин обошёл машину. Я закрыла глаза и откинулась на сиденье.

Я была свободна и порабощена.

И контроль был у меня в руках.

Так заканчивается книга вторая...

Больше книг на сайте - Knigolub.net